

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 13.

Цѣна съ пересылкой
4 р. 50 к.

Отдѣльно № 25 к.

ВЫХОДЯТЪ

ДВА РАЗА

въ мѣсяцъ.

1 Юля.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ.

Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Кавалерской Думы ордена св. Анны, въ 3-й день февраля 1905 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія орденомъ св. Анны 3 й степени, за заслуги, въ ст. 459-й (Учрежд. орд., т. I Св. Зак., изд. 1892 г.) статута сего ордена изъясненныя: въ пунктъ 15. Церкви села

Бронницъ, Новгородскаго уѣзда, священника Василя Соболева. Въ пунктъ 16. Домовой, во имя Успенія Божіей Матери, въ усадьбѣ „Горы“ церкви, Валдайскаго уѣзда, священника Григорія Пѣвцова; церкви села Винъ, Крестецкаго уѣзда, священника Θεодора Быстрицкаго; Троицкаго собора, гор. Боровичъ, священника Михаила Петропавловскаго; церкви Опеченскаго посада, Боровичскаго уѣзда, священника Александра Селиванова; церкви села Бѣлой, Валдайскаго уѣзда, священника Аркадія Онуфріевскаго; церкви села Домкина, Валдайскаго уѣзда, священника Александра Травинскаго; церкви села Тигина, Кирилловскаго уѣзда, священника Александра Измайлова; церкви села Теребунова, Крестецкаго уѣзда, священника Михаила Добрякова. Въ пунктъ 18. Почетнаго старшины Николаевскаго дѣтскаго пріюта въ Петербургѣ губернскаго секретаря Сергѣя Полежаева.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 13 іюня текущаго 1905 года за № 5944, разрѣшено не считать препятствіемъ къ награжденію установленными для духовенства знаками отличія бытности подъ судомъ и штрафомъ, въ виду одобрительной о службѣ аттестаціи Начальства послѣ касавшихся дѣлъ, слѣдующихъ лицъ: священниковъ церквей: Климентовской, Новгородскаго уѣзда, Алексѣя Доброхотова, Подгощской, Старорусскаго уѣзда, Александра Веселова, Погостищской, того же уѣзда, Михаила Соловьева, діакона Старорусскаго Воскресенскаго собора Виктора Иванова, іеродіакона Кирилло-Новоезерскаго монастыря Амфилохія и монаха Новгородскаго Отенскаго монастыря Аполлонія.

О церковномъ сборѣ въ пользу Воинскаго благотворительнаго общества Бѣлаго Креста.

Комитетъ Воинскаго благотворительнаго общества Бѣлаго Креста вошелъ къ Его Высокопреосвященству отношеніемъ, отъ 10 сего іюня за № 877, въ коемъ изложилъ, что по особому ходатайству Августѣйшаго Покровителя Воинскаго Благотворительнаго общества Бѣлаго Креста, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ разрѣшить этому обществу произвести, въ пользу его, повсемѣстно, въ церквахъ всѣхъ

епархій Имперіи, сборъ пожертвованій въ 1906, 1907 и 1908 годахъ въ праздникъ Богоявленія Господня (6 января).

Приступая нынѣ къ организаціи ближайшаго изъ означенныхъ сборовъ, 6 января 1906 года, Комитетъ Воинскаго Благотворительнаго общества Бѣлаго Креста проситъ Его Высокопреосвященство подтвердить состоявшееся объ этомъ сборѣ опредѣленіе Св. Синода, особымъ объявленіемъ духовенству епархіи чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и оказать содѣйствіе къ осуществленію вышеупомянутаго сбора на нужды общества.

По разсмотрѣніи изложеннаго, Консисторія 14 сего іюня положила: Въ силу резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 12 іюня сего года за № 3108, послѣдовавшей на семъ отношеніи, предписать духовенству епархіи чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, чтобы оно оказало содѣйствіе сбору въ пользу Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, имѣющему быть въ праздникъ Богоявленія Господня (6 января 1906 года).

Отношеніе Предсѣдателя Воинскаго благотворнаго общества Бѣлаго Креста на имя Его Высокопреосвященства.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь!

По особому ходатайству Августѣйшаго Покровителя Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ разрѣшить этому Обществу произвести, въ пользу его, повсемѣстно, въ церквахъ всѣхъ епархій Имперіи, сборъ пожертвованій въ 1906, 1907 и 1908 годахъ въ праздникъ Богоявленія Господня (6-го Января), о чемъ и сообщено Синодальнымъ указомъ отъ 5-го Февраля 1905 года за № 1233.

Приступая нынѣ къ организаціи ближайшаго изъ означенныхъ сборовъ, 6-го Января 1906 года, Комитетъ Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста считаетъ своимъ долгомъ обратиться прежде всего къ Вашему Высокопреосвященству съ почтительнѣйшею просьбою, благословить доброе дѣло о оказаніи помощи вдовамъ и сиротамъ воиновъ Русской арміи и

не отказать въ Вашемъ благосклонномъ и высокопросвѣщенномъ содѣйствіи къ осуществленію вышеупомянутаго сбора на нужды Общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ Общества, полагая въ непродолжительномъ времени обратиться съ соотвѣтствующими сему дѣлу воззваніями ко всѣмъ благочиннымъ и настоятелямъ церквей и монастырей, покорнѣйше проситъ Ваше Высокопреосвященство не отказать также, въ видахъ успѣшности сбора и устраненія какихъ либо при этомъ недоразумѣній, *подтвердить* состоявшееся объ этомъ сборѣ опредѣленіе Св. Синода, вмѣстѣ съ просьбою Комитета о содѣйствіи этому сбору, особымъ объявленіемъ духовенству епархіи, черезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, при чемъ приказать консисторіи одинъ экземпляръ сихъ вѣдомостей съ просимымъ распоряженіемъ выслать въ Комитетъ Общества, для ссылки на него при обращеніи къ благочиннымъ и настоятелямъ съ воззваніями.

Поручая себя молитвамъ Вашего Высокопреосвященства, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою

Въ силу резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 12 іюня с. г. за № 3108, послѣдовавшей на семъ отношеніи, предписать духовенству епархіи чрезъ Епарх. Вѣдомости, чтобы оно оказало содѣйствіе сбору въ пользу Воинскаго благотвор. Общества Бѣлаго Креста, имѣющему быть въ праздникъ Богоявленія Господня (6 января 1906 года).

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Преподается Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

За пожертвованіе деньгами на расширеніе Иловскаго храма, Бѣлозерскаго уѣзда: Потомственнымъ дворянкамъ Аннѣ, Елизаветѣ и Александрѣ Моложениновымъ — 300 рублей, крестьянамъ деревень: Бакина — Александру Неофитову — 50 р., Цыкина — Петру Павлову Спиридонову — 50 р., Бестужева — Стефанидѣ Петровой — 50 р. и Буозера — Ивану Петрову — 25 рублей.

Рыбинскому потомственному почетному гражданину Сергѣю Полежаеву за пожертвованіе въ Желѣзно-Дубровскую церковь, Устюжнскаго уѣзда, вещей на 625 рублей.

Устюжской дворянкѣ Аннѣ Платоновой Наѣйко, за пожертвованіе въ Синозерскую церковь, того-же Устюжскаго уѣз., вещей на 125 рублей.

Крестьянину деревни Березья, пожертвовавшему на переустройство Бѣлокрестскаго теплаго храма 100 рублей. Валдайскому купцу Николаю Усачеву за пожертвованіе въ Туренскую церковь, Валдайскаго уѣзда, кіота, стоимостію 150 рублей.

Служащимъ по движенію на Медвѣдевской станціи Москово-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги и служащимъ на той-же станціи въ желѣзнодорожномъ депо по вагонному отдѣлу, за ихъ пожертвованіе въ Медвѣдевскую церковь на сумму 450 р. Землевладѣльцу Ивану Макарову за пожертвованіе въ Добросельскую церковь, Новгородскаго уѣзда, вещей на 100 рублей. Отставному капитанъ-лейтенанту Игнатію Бутковскому за пожертвованіе вещей въ ту-же церковь на 120 рублей и прихожанамъ той-же церкви—крестьянамъ деревень Смердныи, Басино, Кородыно, Милаевка и Дидвина за ихъ денежное участіе при расширеніи той-же церкви.

Объявляется благодарность Новгородскаго Епархіальнаго Начальства.

Череповскому купцу Андрею Петрову Адрианову за пожертвованіе въ Заболотскую Покровскую церковь, Череповскаго уѣз., вещами на 100 рублей.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

На праздное псаломщическое мѣсто къ Нилободовской Пераскевинской церкви, Кирилловскаго уѣзда, 11 іюня сего года опредѣленъ и. д. псаломщика воспитанникъ 2 класса Новгородской духовной семинаріи Николай Разумовскій.

Протоіерей Новгородской градской Троицкой церкви Матвѣй Перовъ 12 іюня уволенъ за штатъ.

На священническое мѣсто при Локотской церкви, Крестецкаго уѣзда, 12 іюня назначенъ діаконъ Коровье-Ручьевской цер. Новгородскаго уѣзда, Михаилъ Мизеринъ.

На священническое мѣсто къ Успенской Андогской церкви, Череповскаго уѣзда, переведенъ 13 іюня священникъ Становской церкви того же уѣзда Александръ Архангельскій.

На псаломщическое мѣсто къ Мозолевакой церкви, Тихвинскаго уѣзда, опредѣленъ 16 іюня и. д. псаломщика воспитаникъ Тихвинскаго духовнаго училища Алексѣй Недорослевъ.

На священническое мѣсто къ Новгородской градской Троицкой церкви опредѣленъ 20 текущаго іюня учитель приготовительнаго класса Новгородскаго духовнаго училища, Надворный Совѣтникъ Петръ Фортификантовъ съ увольненіемъ его отъ должности учителя приготовительнаго класса съ 15 августа сего 1905 года.

Протоіерей Новгородскаго Покровскаго Звѣрина монастыря Феодоръ Быстровъ 20 сего іюня уволенъ за штатъ, а на его мѣсто 21 іюня переведенъ священникъ Новгородскаго Свято-Духова женскаго монастыря Іоаннъ Лаванскій.

На священническое мѣсто къ Становской церкви, Череповскаго уѣзда, опредѣленъ 17 іюня діаконъ сей церкви Александръ Братолюбовъ.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Городищской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда; при Бутковской церкви, Тихвинскаго уѣзда; и при Новгородскомъ Свято-Духовомъ женскомъ монастырѣ.

Діаконскія: При Сабельской церкви, Новгородскаго уѣзда; при Марковской церкви, Старорусскаго уѣзда; при Коровье-Ручьевской церкви, Новгородскаго уѣзда, и при Становской церкви, Череповскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Устюжнскомъ соборѣ; при Устюжнской градской Казанской церкви, и при Климентовской г. Новгорода церкви.

Въ Новгородскую Духовную Консисторію, по случаю военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений:

(на санитарныя нужды дѣйствующей арміи).

1) 5 руб. пожертвованные крестьянами деревни Новинки, Тихвинскаго уѣзда.

2) 10 руб. 23 коп. отъ служащихъ въ Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ.

3) 9 руб. 56 коп. отъ Валдайскихъ церквей: Петропавловской кладбищенской, Введенской и причта оной.

4) 12 руб. 20 коп. отъ Валдайскаго Троицкаго собора, причта онаго, приписной къ нему кладбищенской церкви и церковнаго сторожа.

5) 5 руб., отъ причта Николо-Полистьской церкви, Новгородскаго уѣзда.

6) 20 руб. 10 коп. отъ церквей и духовенства 1 Череповскаго округа.

7) 22 руб. 46 коп. отъ духовенства 3 Старорусскаго округа.

8) 5 руб. 15 коп. отъ Опеченско-Посадской церкви, Боровичскаго уѣзда и причта оной.

(На усиленіе военнаго флота).

9) 2 руб. 40 коп. отъ Воронинской и Судбищской церкви съ причтомъ Череповскаго уѣзда.

10) 3 руб. отъ причта Ригодищскаго женскаго монастыря.

(въ пользу русскихъ воиновъ, находящихся въ плѣну въ Японіи).

11) 11 руб. 50 коп. отъ прихожанъ Тервинской церкви, Тихвинскаго уѣзда.

Отъ Новгородскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Отдѣлъ покорнѣйше просить настоятелей соборовъ и церквей епархіи возвратать сборные въ пользу Палестинскаго Общества листы особаго образца №№ 6701—6990, разосланные Отдѣломъ чрезъ Духовную Консисторію при отношеніяхъ Отдѣла отъ 21 февраля сего 1905 года за №№ 345—635. Означенные сборные листы получившими ихъ лицами должны быть возвращены въ Отдѣлъ вмѣстѣ съ собранными по нимъ пожертвованіями или и безъ пожертвованій, если таковыхъ не оказалось. Адресъ Отдѣла: Новгородъ. Новгородскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ*

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Къ свѣдѣнію сотрудниковъ.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

РѢЧЬ

предъ отпѣваніемъ Архимандрита Владиміра, Настоятеля Новгородскаго Юрьева монастыря. *)

Долго и мучительно жизнь и смерть боролись въ тебѣ, возлюбленный собратъ! Какъ старое дерево, углубившееся корнями въ землю, скрипя и качаясь, упорно противится вѣтру и бурѣ, — ты много времени выдерживалъ напряженіе болѣзни, терпя великія страданія, медленно надламываясь и клонясь къ землѣ, пока съ послѣднимъ вздохомъ, совсѣмъ не упалъ...

Теперь все кончалось: кончилась борьба, кончились мученія, остановилось для тебя самое время!... На вѣки почилъ ты, возлюбленный братъ!

Мы собрались около тебя, чтобы дать тебѣ „послѣднее цѣлованіе“, проводить тебя „въ путь всея земли“, проводить пѣніемъ и молитвою братства во главѣ, какъ ты самъ желалъ и какъ Господь устроилъ, съ нашимъ добрымъ Архипастыремъ.

Есть у старинныхъ русскихъ людей, къ которымъ и ты принадлежалъ, обычай—предъ отправленіемъ въ дальнюю дорогу присѣсть немножко, чтобы собраться съ мыслями, вспомнить—не забыто ли что-нибудь, чтобы сказать остающимся слово прощанія.

Мы не ждемъ отъ тебя слова этого: теперь ты можешь говорить только дѣлами своими, а не словами. Мы сами спросимъ тебя къ своему собственному утѣшенію и назиданію: долго соби-

*) Сказано 12 іюня 1905 г. въ Юрьевомъ монастырѣ.

рался ты въ путь сей, но не забылъ ли чего нибудь здѣсь на землѣ, уходя туда, на небо? Все ли взялъ съ собою нужное?!.. О чемъ ты думалъ въ томительные дни и бессонныя ночи своей продолжительной болѣзни?

Жилъ ты въ обители древней, славящейся своими богатствами, но не въ богатствѣ полагалъ ты свое сокровище, не къ нему лежало сердце твое и не о немъ, конечно, ты заботился, подводя итоги жизни, какъ это бываетъ съ миролюбцами. Заранѣе примирившись съ смертію, ты ждалъ ее, какъ желанную гостью, и старался приготовиться къ христіанской кончинѣ молитвою и св. таинствами. Говорятъ близкіе къ тебѣ, что во время болѣзни ты любилъ часто вкушать отъ „Источника безсмертія“ — приобщаться Тѣла и Крови Христовыхъ. Спаситель же нашъ, Господь и Богъ нашъ, *Иже бысть мертвъ и се живъ есть* (Апок. II, 8) и имѣетъ ключи ада и смерти (I, 18), сказалъ: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI, 54).

Стало быть, самаго главнаго, самаго необходимаго ты не забылъ: ты понесъ съ собою залогъ воскресенія и жизни вѣчной, и пусть это брѣнное тѣло возвратится въ землю, какъ судила всѣмъ намъ грѣшнымъ правда Божія, пусть оно пока обратится въ прахъ и тлѣніе, чтобы и ему измѣниться, обновиться, возстать въ нетлѣніи и славѣ (1 Кор. XV, 53).

Что еще взялъ ты съ собою? По свидѣтельству Писанія, за умирающими о Господѣ *ходятъ вслѣдъ дѣла ихъ* (Апок. XIV, 13). И съ тобою пошли къ престолу Вседержителя твои немалые труды и дѣла. Это, прежде всего, твое долготѣнее приходское пастырствованіе съ его неизбѣжными скорбями и душевными муками. Это, далѣе, руководство и управленіе иноческими обителями, въ нынѣшнее время столь тяжелыя, что ты самъ не разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что взялъ на себя такое бремя. Это твоя любовь къ благолѣпію дома Божія, о чемъ свидѣтельствуешь и сей храмъ, возстановленный въ его древней красотѣ твоими заботами.

Отъ взора человѣческаго сокрыты тайники твоего сердца — твоя внутренняя жизнь во Христѣ, но не сокрылись отъ наблюденія многія привлекательныя черты твоего характера: скромность, простота, сердечность, отзывчивость къ людскому горю. Съ своей стороны отмѣчу и еще одну черту, приближающую тебя къ царствію Божію — это юность души твоей, умѣніе радоваться дѣтскою, чистою радостью: воспитанный въ Семинаріи,

хотя и не здѣсь, ты замѣтно оживалъ духомъ, когда прѣзжалъ къ намъ въ Семинарію, съ любовью смотрѣлъ на наше юношество, былъ щедрымъ жертвователемъ на нужды ихъ, какъ почетный блюститель Семинаріи. Да воздастъ тебѣ Господь сторицею за то добро, которое ты сдѣлалъ для малыхъ сихъ!

Да воздастъ тебѣ Господь за всѣ твои труды, за всѣ твои скорби и болѣзни!...

Еще не много—и темная могила навсегда сокроетъ тебя отъ насъ! Но намъ, чающимъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, неприлично скорбѣть о тебѣ—инокѣ и начальникѣ иноковъ, неприлично надгробное рыданіе... Странники и пришельцы мы здѣсь, на землѣ, и всякій, возвращающійся на небо, въ истинное отечество свое—блаженнѣйшій изъ людей!...

Блаженъ путь, въ онъ же идеши, брате, яко уготовася тебѣ мѣсто покоя! Въ обители земной ты не нашель себѣ желаннаго успокоенія, водворись же въ дому Отца Небеснаго, гдѣ обители многи суть (Іоан. XIV, 2), уготованныя намъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, Распявшимся за насъ и Воскресшимъ тридневно!

Сегодня—великій, знаменательный день: св. Церковь, завершая кругъ спасительныхъ праздниковъ, прославляетъ нынѣ совокупно память *всѣхъ Святыхъ*. Необозримые, свѣтоносные сонмы Апостоловъ, пророковъ, святителей, мучениковъ и преподобныхъ, окружая престолъ Божій, воздаютъ сегодня славу и честь Агнцу Божію, искупившему насъ кровію Своею... Мы станемъ молиться, возлюбленный братъ, чтобы Милосердый Господь и тебя вчинилъ въ эти свѣтлые лики избранныхъ Своихъ! Аминь.

Архимандритъ *Серій*.

Изъ жизни и исторіи епархіи.

Кирилло-Бѣлозерскій узникъ.

Въ 1824—1826 г. въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ содержался помѣщикъ Орловской губ. подполковникъ Александръ Дубовицкій. Еще въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка Дубовицкій, увлекшись мистическими вѣяніями времени, началъ распро-

странять нѣкое новое ученіе. Мѣстомъ его пропаганды служила сначала Скопийская военноконно-заводская волость Рязанской губерніи. Себя Дубовицкій называлъ миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога. Полагалъ, что онъ получилъ отъ Бога особенный даръ передавать любовь и самыя глубокія христіанскія истины даже неразвитому простонародію. Въ своемъ богопосланничествѣ Дубовицкій былъ убѣжденъ настолько, что готовъ былъ, защищая свое ученіе, пожертвовать всѣмъ, что только для него дорого; готовъ былъ отправиться въ ссылку. Сводя знакомство съ крестьянами лучшаго поведенія, онъ ласковымъ обращеніемъ привлекалъ къ себѣ вниманіе многихъ поселянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Послѣдователей господствующей церкви онъ называлъ устными христіанами, а себя и своихъ послѣдователей истинными внутренними поклонниками. Совершая особый обрядъ моленія съ пѣніемъ неупотребительныхъ въ церкви пѣснопѣній и братскимъ лобзаніемъ, онъ всѣхъ называлъ братьями и сестрами. И не на словахъ только, а и въ дѣйствительныхъ сношеніяхъ со своими послѣдователями онъ, баринъ, обращался съ ними, какъ съ равными, независимо отъ ихъ общественнаго положенія. Время, когда дѣйствовалъ Дубовицкій, было временемъ крѣпостной зависимости. И потому нисколько не удивительно, если Дубовицкаго послѣдователи изъ крестьянъ и особенно дѣвицы и женщины по ученію, имъ проповѣдуемому, считали за „божественнѣйшаго, богодухновеннаго человѣка“. Ближайшимъ сотрудникомъ Дубовицкаго являлся офицеръ гвардіи Гагинъ. Ученіемъ Дубовицкаго увлеклись нѣкоторые и въ предѣлахъ Новгородской губерніи, гдѣ онъ, повидимому, состоялъ на службѣ въ тогдашнихъ военныхъ поселеніяхъ.

Вотъ этотъ-то Дубовицкій, повидимому самъ находившійся подъ вліяніемъ духовнаго союза Татариновой *) въ его зачаточномъ состояніи, и былъ, какъ сказано въ началѣ, заключенъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1824 г. Одновременно съ Дубовицкимъ его товарищъ Гагинъ былъ отправленъ въ Валаамскій монастырь.

Въ дѣлѣ, на основаніи котораго составлена настоящая замѣтка, находятся два письма Дубовицкаго къ Гагину, писанныя Дубовицкимъ уже тогда, когда онъ находился въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, а Гагинъ въ Валаамскомъ. Мы приводимъ эти письма,

---

*) Онъ находится въ перепискѣ съ Михаиломъ Татаринвымъ. Не съ мужемъ ли или деверемъ известной Татариновой, сблизившей мистицизмъ съ народнымъ хлыстовствомъ? Дубовицкій начинаетъ пропаганду въ Рязанской губ. Но вѣдь Татаринъ подъ конецъ жизни состоялъ директоромъ Рязанской гимназіи.

такъ какъ они и въ особенности второе вводятъ насъ, такъ сказать, въ душу этихъ мистиковъ. Оба письма писаны въ 1824 г., одно въ апрѣлѣ, другое въ іюнѣ. Вотъ эти письма. Первое. „Лука мой милый, Лука мой возлюбленный, — пишетъ Дубовицкій Гагину. О, какъ я тебя люблю, какъ люблю. Господь это видитъ, Который посылаемыми на тебя крестами не наказываетъ тебя, а, очищая ими, хочетъ возвестъ тебя на другой, гораздо вѣрнѣйшій, чистѣйшій и превосходнѣйшій путь. Если ты это поймешь и будешь Ему въ томъ содѣйствовать, то получишь чрезъ то несказанную пользу. Впрочемъ поступай, какъ хочешь. Только не переставай любить сердце, пламенно тебя любящее и за тебя молящееся; не оставь и меня въ молитвахъ твоихъ. Я приказалъ Антону (слугѣ?) къ тебѣ, если можно, захватить съ письмомъ симъ. Онъ тебѣ обо всемъ на словахъ перескажетъ. Желалъ бы я очень, если будетъ хоть малая удобность и возможность, тебя видѣть; чтобы Катерина Александровна (гувернантка Дубовицкаго) съ дѣтьми (Дубовицкаго), ко мнѣ ѣхавши, къ тебѣ погостить захвала. Болѣе не пишу къ тебѣ не потому, чтобы нечего было писать, а по другимъ причинамъ, тебѣ извѣстнымъ. Прости, мой возлюбленный, Не смотря ни на что, есть преданный тебѣ братъ и слуга Александръ (Дубовицкій)“. Второе письмо. „Милый и любезнѣйшій другъ и братъ Лука Михайловичъ. Могу ли я объяснить любовь мою къ тебѣ, когда она необъяснима ничѣмъ инымъ: развѣ только нѣкими подобіями могу тебѣ ее нѣсколько выразить. Сердце мое такую пламенную любовь исполнено къ тебѣ, что люблю тебя, какъ самый страстный любовникъ любитъ свою любовницу: только то вонюче и скверно, а любовь моя къ тебѣ чиста и свята. Такая же у меня была и теперь есть любовь къ Маріи Ивановнѣ да къ Аннѣ Ивановнѣ. Никто не знаетъ той высокой степени цѣломудрія, Богомъ мнѣ даннаго, по которому для меня нѣтъ различія пола мужескаго съ женскимъ, почему многіе такіа наговорили мнѣ опасности, могущія произойти отъ связи моей съ сею послѣдней! И большой мой страхъ и недовѣрчивость къ себѣ самому заставляли иногда, сверхъ оправдывающей меня предъ Богомъ совѣсти, просить Господа, чтобы Онъ успокоилъ меня, показавъ мнѣ, не примѣшивается ли тутъ непримѣтнымъ образомъ симпатія пола. Господь, возстававшій иногда (во мнѣ?), сіи во мнѣ недоумѣнія успокоилъ вотъ чѣмъ. Анну ты любишь, сказалъ мнѣ (Богъ), и связь твоя съ нею велика отъ того, что она отвѣчаетъ тебѣ тѣмъ же. А чтобы успокоить сомнѣнія твои

на счетъ пола, то повѣрай сравненіемъ сердечныя ощущенія любви твоей—менѣе ли ее ты любишь Гагина? Ахъ! Нѣтъ, Господи, отвѣчалъ я ему: любовь моя къ нему и также сильна и точно такого же рода. Но, милосердый Господи, онъ (Гагинъ) измѣняетъ мнѣ, не отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же, онъ не вѣритъ, что Ты во мнѣ его любишь. Сомнѣвается и боится тамъ, идѣже не бѣ страхъ; а не сомнѣвается и не боится тамъ, гдѣ бы бояться должно было... Затѣмъ, въ ожиданіи твоего письма, болѣе говорить нечего. Сдѣлай милость, мой другъ, напиши ко мнѣ, обрадуй меня твоимъ извѣстіемъ; помилуй, для чего бы тебѣ не догадаться написать ко мнѣ, вотъ какъ ты меня любишь. Увѣдомь, какъ ты поживаешь, нашель ли духовныхъ людей. Не знаю, какъ теперь, а прежде тамъ (т. е. на Валаамѣ) бывали истинно духовные, у которыхъ было чему поучиться. Увѣдомь не замедля обо всемъ поподробнѣе. Мой о. Архимандритъ (тогда Гедеонъ) хорошо ко мнѣ расположенъ *seulement il me traite d'un ton d'autorite*, а братія добрые и простые люди. Екатерина Александровна състраждущая сестра моя усерднѣйше кланяется тебѣ, дѣти ручки твои цѣлуютъ. Они здѣсь; и совершенно чудеснымъ образомъ случилось се, что они здѣсь: явная для меня милость Божія. Какъ мнѣ жаль, что иное не такъ сдѣлалось, какъ бы хотѣлось. Съ Антономъ, который провожалъ меня до села, отпуская его назадъ—въ Петербургъ за дѣтьми; писалъ письмо къ тебѣ съ нимъ. Онъ не переслалъ; говорилъ, что твои письма и къ тебѣ невѣрно доходятъ, что читаютъ. Еще приказывалъ, чтобы Катерина Александровна съ дѣтьми къ тебѣ заѣхала пожить съ тобою недѣлю. И это не сдѣлалъ (Антонъ): сказалъ, будто отъ дороги самое ближнее мѣсто 200 верстъ; и наняли долгихъ, то они бы не заѣхали. Прости, мой милый возлюбленный другъ. Крѣпко, крѣпко прижимаю тебя къ самому сердцу. Пребываю преданнымъ братъ и слуга Александръ Дубовицкій“.

Изъ приведенныхъ писемъ отчасти видно, какъ устроился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ Дубовицкій. По хадатайству предъ Императоромъ Александромъ I гувернантки Дубовицкаго, упоминавшейся въ письмѣ Екатер. Алекс. Джерсонъ, ей съ дѣтьми Дубовицкаго позволено было поселиться вблизи монастыря. И дѣти Дубовицкаго всѣ дни проводили со своимъ отцомъ. Режимъ, которому долженъ былъ подчиняться Дубовицкій въ монастырѣ, былъ весьма строгъ. Изъ монастыря онъ никуда не могъ отлучаться, ни подъ какимъ предлогомъ. Дол-

женъ былъ являться ко всякой службѣ въ церковь; во всѣ посты исповѣдываться и, по благословенію духовника, пріобщаться Св. Таинъ. Въ свободное отъ Богослуженія время ему рекомендовалось читать библію и творенія Св. отцовъ. Черезъ каждые три мѣсяца архимандритъ долженъ былъ о поведеніи Дубовицкаго доносить митрополиту.

По смерти Александра I и по вступленіи на престолъ Императора Николая I митрополитъ Серафимъ обратился къ статсъ-секретарю Н. Н. Муравьеву съ отношеніемъ. Указывая на данную Дубовицкимъ подписку не распространять своего ученія, на добрые отзывы о Дубовицкомъ архимандрита Годонова, а равно на печальное положеніе его престарѣлой матери и троихъ дѣтей, лишенныхъ въ Кирилловѣ возможности получить приличное образованіе, митрополитъ просилъ Муравьева исходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ Дубовицкому освобожденіе изъ монастыря. Предъ освобожденіемъ олъ вновь долженъ былъ дать подписку по одобренной митрополитомъ и Государемъ Императоромъ формѣ. „Я, отставной подполковникъ Александръ Дубовицкій, сосланный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на покаяніе за распространеніе мною лжеученія, почувствовалъ нынѣ вину мою и, чистосердечно каюсь предъ Богомъ, клятвенно обѣщаюся и сею подпискою моею обязуюсь: 1) что я прежняго моего лжеученія отнюдь никому и никогда ни письменно ни словесно проповѣдывать не стану, ни къ какой сектѣ принадлежать и самъ заводить оныя не буду; 2) что я ни въ какія дѣла, до религіи относящіяся, до меня яко мірянина не принадлежащія, вмѣшиваться впредь не буду; 3) если же я сіе клятвенное обѣщаніе мое, собственноручно подпискою моею утвержденное, нарушу: подвергаю себя въ сей жизни строжайшему гражданскому суду, а въ будущемъ суду Божію“.

1 іюня 1826 г. подписка эта была представлена Дубовицкому для подписи. Подъ нею Дубовицкій пишетъ: „согласно съ сею подпискою рукоприкладствомъ моимъ подтверждаю, что все то, что начальствомъ въ дѣйствіяхъ моихъ признано за ложное ученіе, я буду избѣгать, никогда никому ничего подобнаго не сообщу, въ дѣла до церкви касающіяся входить не стану и никакой сектѣ принадлежать и самъ заводить оныя не буду“. Этою подпискою Дубовицкаго митрополитъ не удовлетворился. Ему хотѣлось, чтобы Дубовицкій скрѣпилъ рукоприкладствомъ Высочайше одобренную подписку, ни въ чемъ ее не измѣняя и ничего къ ней не прибавляя. Но тутъ митрополиту пришлось

увидѣть въ Дубовицкомъ такую твердость, которая ясно говоритъ, что это былъ человѣкъ глубокихъ убѣжденій. На предложеніе дать подписку по Высочайше одобренной формѣ Дубовицкій пишетъ: „хотя оная подписка, апробованная Самимъ Государемъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ мною и подписана уже, но рукоприкладство мое къ ней духовнымъ начальствомъ найдено недостаточнымъ къ утвержденію ея во всей ея силѣ. Почему духовное начальство требуетъ, чтобы я подписалъ сію таковую же подписку безъ всякой оговорки вторично, но такъ какъ я твердо увѣренъ въ милости Монарха, зная, что онъ Государь мой и Отецъ не насилуетъ ничьей совѣсти, то какъ могу я вопреки оной, сдѣлавшись измѣнникомъ Богу, признать за лжеученіе то, о которомъ въ чемъ оное состоитъ и кто меня въ ономъ обличалъ, мнѣ въ вопросныхъ пунктахъ никогда ниже упоминаемо было; но будучи увѣренъ въ противномъ, какъ могу признать его таковымъ изъ сбереженія себя самого, погибающаго моего семейства и временныхъ выгодъ? Утверждая подписку сію для онаго вопреки убѣжденій моей совѣсти безъ слѣдующей оговорки, могъ ли бы я, преступникъ Богу и совѣсти моей, быть вѣренъ Отцу моему Государю, Матери моей Церкви и самой сей подпискѣ? Видя и признавая въ правительствѣ власть самого Господа, надо мною поставленную, хотя и убѣжденъ предъ нимъ въ совѣсти моей, что я никогда никому ничего противнаго Слову Божію, ученію Православной церкви и Св. отецъ не сообщалъ; но будучи предъ Господомъ ничто иное, какъ бѣдный грѣшникъ, почему и безъ намѣренія, но невѣдѣнію могъ поступать вопреки сему, каковыя погрѣшности духовнымъ начальствомъ могли быть примѣчены и послужить поводомъ къ названію ихъ ложнымъ ученіемъ, въ видѣ коего и представить Государю: въ чемъ не вѣря себѣ самому, а вѣря ему, какъ верховной власти, покоряю во всемъ о Господѣ волю мою, чисто-сердечно во всѣхъ каюсь и о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ симъ моимъ рукоприкладствомъ всю оную подписку во всей ея силѣ согласно съ симъ утверждаю“. На вторичное предложеніе скрѣпить подписку безъ всякихъ измѣненій и оговорокъ Дубовицкій пишетъ архимандриту Гедеону: „По предложенію вашему, во исполненіе предписанія Высокопреосвящ. Серафима, м. Новг. и С.-Петербур., утвердить своимъ рукоприкладствомъ присланную отъ него подписку нынѣ по крайне разстроенному моему здоровью и онѣменію правой моей руки не могу; коль же скоро Господь пошлетъ мнѣ облегченіе, тогда подписана и предста-

влена быть имѣть, по каковому случаю вмѣсто моего рукоприкладства прилагаю герба моего печать“.

Къ счастью Государь Императоръ удовлетворился первою подпискою Дубовицкаго. И пока шла приведенная выше переписка, митрополиту сообщено было о согласіи Государя на освобожденіе Дубовицкаго. А что Гагинъ? Послѣдній, какъ видно изъ дѣла, получалъ отъ архимандрита Валаамскаго монастыря Іонафана столь же одобрительные отзывы, какъ и Дубовицкій отъ архимандрита Гедеона. Но онъ загрустилъ въ заключеніи и помѣшался; поэтому въ 1824 году по просьбѣ митрополита Серафима и по докладу Аракчеева онъ былъ взятъ изъ Валаамскаго монастыря и помѣщенъ въ одной изъ больницъ военнаго вѣдомства *).

Разговоръ со священникомъ.

„Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ“ (Мѡ. X, 19—20).

Предо мною сидѣлъ священникъ лѣтъ сорока. Это былъ вдовецъ. Жена его умерла, оставивъ на его попеченіе семью. Дѣтишки, родившіяся, вѣроятно, отъ хворой матери, постоянно болѣютъ. Не отличавшійся отъ природы видною комплекціей, священникъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, похудѣлъ еще болѣе.

Да, время теперь тяжелое, говорилъ священникъ. Печать теперь наполнена всевозможными выходками противъ церкви. Всѣ читаютъ и вычитанное частію искренно, а частію желая поставить священника въ затрудненіе, предлагаютъ на обсужденіе священника.

Батюшка, говоритъ одинъ купецъ, зачѣмъ существуютъ эти заупокойныя обѣднѣ, эти сорокоусты? У васъ, простите, вѣдь выходитъ такъ, что за деньги покупается царство небесное. Богатый имѣетъ средства и заказываетъ сорокоустъ на пользу души усопшаго, а бѣднякъ?

Не знаю, какъ вы, читатель, а я почувствовалъ бы себя въ затруднительномъ положеніи, если бы мнѣ неожиданно пред-

*) Составлено на основаніи дѣла архива Новг. Консисторіи.

ложили такой вопросъ. И мнѣ было въ высшей степени интересно узнать, какъ нашелся при постановкѣ ему такого вопроса священникъ.

Что же вы отвѣтили собесѣднику?—спросилъ я священника.

Я указалъ, что церковь молится за всѣхъ усопшихъ, независимо отъ того, богатъ ли онъ былъ, или бѣденъ, знатный ли это былъ, или простой человекъ. За каждую обѣдней священникъ,—и не однократно,—возноситъ молитву о *всѣхъ* въ вѣрскончавшихся православныхъ христіанахъ. Молилась бы церковь на всемъ своемъ пространствѣ и за вашихъ усопшихъ родныхъ, хотя бы вы и не заказывали обѣденъ и не служили сорокоуствоу. Просить духовенство о служеніи заупокойныхъ службъ предоставляется доброй волѣ каждаго. И мнѣ кажется, что нарочитое поминовеніе усопшихъ, выражающееся въ служеніи заупокойныхъ обѣденъ и сорокоуствоу, въ служеніи панихидъ, является засвидѣтельствованіемъ признательности усопшимъ со стороны ихъ близкихъ родныхъ, оставшихся въ живыхъ. Вотъ вы кунецъ. Вамъ родители оставили состояніе. Въ вашей свободѣ было помянуть или не помянуть своихъ родителей принятымъ въ церкви порядкомъ. Церковь и безъ сорокоуста вашего молилась бы и молится за вашихъ родителей. Но вы то, вы-то ужели бы не чувствовали потребности отблагодарить своихъ усопшихъ отца и мать нарочитыми молитвами за ихъ труды, которыми они обезпечивали васъ не только при жизни, но обезпечили и послѣ смерти?

Мнѣ показалось убѣдительнымъ объясненіе священника. Разрѣшило оно, по словамъ священника, и недоумѣнія того лица, которое вызвало священника на вышеприведенный разговоръ.

А потомъ, продолжалъ священникъ, мнѣ пришлось имѣть разговоръ съ однимъ изъ своихъ прихожанъ, который, со словъ ли другихъ, или и искренно,—выразилъ сомнѣніе въ существованіи Бога. Я ему и то и другое, все не производитъ на него надлежащаго впечатлѣнія.

Послушайте, говорю я наконецъ, вотъ вы допускаете, что душа человека съ ея безконечными запросами, не удовлетворяемыми въ условіяхъ настоящей жизни, есть простое недоразумѣніе, игра природы; вы находите, что не ведетъ необходимо къ вѣрѣ въ Бога и замѣчающееся въ жизни людей несоотвѣтствіе земной участи ихъ настроенію человека, его дѣятельности. Вы допускаете, что природа могла явиться сама собою безъ творческой воли Божіей.

Но вотъ я на дняхъ поливалъ у себя въ саду клубнику. Зашла тучка, загремѣлъ громъ и на землю полился дождикъ.

Явленіе обычное. Но на этотъ разъ на меня оно произвело особое впечатлѣніе. Боже, [думалъ я, остановившись и держа лейку въ рукахъ, уже ли всѣ эти явленія, цѣлесообразность и закономерность ихъ слѣпой случай? Ужели все это могло явиться само собою? И въ этотъ моментъ сомнительное для васъ бытіе Божіе представилось несомнѣннымъ для меня. И тутъ я почувствовалъ, всѣмъ существомъ моимъ почувствовалъ, какъ справедливъ былъ одинъ мудрый человѣкъ, сказавши: допустить, что цѣлая книга можетъ образоваться изъ случайно разсыпанныхъ буквъ алфавита легче, чѣмъ допустить случайное, по дѣйствию слѣпыхъ силъ природы, образованіе міра съ стройно совершающимися въ немъ явленіями.

Какъ священникъ, я вѣрю, что въ этотъ моментъ моего сердца коснулась благодать Божія. Господь зоветъ насъ къ себѣ различными путями. „Зоветъ Онъ и въ бурныхъ раскатахъ грома, и въ тихой прелести майскаго утра и въ нѣжномъ румянцѣ зари; и влечетъ насъ къ себѣ изъ темносиней бездны неба, и слышится призывной голосъ любви Его изъ прозрачной глубины недвижимаго моря, слышенъ онъ чуткому сердцу и въ таинственномъ шелестѣ дубровы, и въ дивныхъ треляхъ соловьиной пѣсни и въ тихомъ мерцаніи звѣздъ полуночныхъ, въ ясной улыбкѣ младенца“ и т. д. И вотъ меня въ указанномъ мною случаѣ коснулся зовъ Божій. Я буду молиться, какъ вашъ духовный отецъ и священникъ, чтобы этотъ зовъ Божій коснулся и вашего сердца.

Я слушалъ священника, а онъ переживалъ снова то, что пережилъ въ разговорѣ со своимъ прихожаниномъ. Недавно мнѣ случилось гдѣ то читать, что жизнь рождается отъ жизни, а не отъ отвлеченной мысли или слова. Настроеніе священника передалось мнѣ, какъ оно передалось, конечно, и его прихожанину:

Мы нѣкоторое время молчали.

Ну и что же отвѣтилъ вамъ на эту рѣчь вашу вамъ прихожанинъ?—спросилъ я священника.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но сдѣлался по отношенію ко мнѣ съ того времени какъ-то особенно внимательнымъ.

Не заявлялъ онъ больше сомнѣній въ существованіи Бога?

Нѣтъ.

Скромный труженикъ.

Эскизъ.

Стояла глухая, хмурая осень. Надрывающій душу вѣтеръ съ печальнымъ стономъ разносилъ и разсѣивалъ по небу тяжелыя свинцовыя тучи. Плакало небо; уныло, понуривъ голову, стоялъ обнаженный лѣсъ; безпокойно понизу шелестѣли пожелтѣвшіе листья, дрожали и извивались; а нахохлившіеся отъ холоду воробьи жалобнымъ чириканьемъ своимъ только раздражали и терзали встревоженную душу.

Словомъ, стояла такая погода, когда всѣмъ чувствуется какъ то не по себѣ, и человѣкъ, если онъ сытъ и въ теплѣ, или погружается въ пріятный меланхолическій сонъ; или же, если голоденъ и зябнетъ, — озлобленно подставляетъ подъ вѣтеръ и дождь свою спину и съ отчаянной смѣлостью достаетъ себѣ пропитаніе.

И вотъ въ такую-то погоду о. діаконъ подъ вечеръ возвращался домой изъ школы.

Дождикъ лѣниво моросилъ и сѣдой пеленой застилалъ окрестныя поляны, чрезъ которыя, извиваясь, чернѣла грязная разбитая дорога.

Но ненастье и дорожная грязь мало занимали и тревожили о. діакона. Къ непогодѣ и бездорожью онъ давно уже привыкъ и не обращалъ на нихъ вниманія. И теперь, заткнувъ полы своего подрясника за поясъ, въ большихъ сапогахъ, онъ смѣло ступалъ въ размякшую дорожную массу и даже приходилъ къ убѣжденію, что чѣмъ грязнѣй дорога, тѣмъ она мягче...

— Экъ, разгулялась-то осень — матушка! думалъ о. діаконъ. Кажись бы, и довольно грязи да слякоти; въ иные годы въ эту пору ужъ на саняхъ ѣзживали, а тутъ, извольте — дождь и туманъ, грязь да стужа. Да вотъ, слава Богу, и домъ близко, двѣ версты уже прошелъ, а тамъ вотъ отъ березы версты полторы останется.

И нахлобучивъ на голову истертую мѣховую шапку, онъ быстрѣе зашагалъ впередъ.

— Э! да, впрочемъ, куда спѣшить? Вѣдь не сахарный — не растаю, да и домъ не коза — не уйдетъ... Одно только, вотъ засвѣтло хотѣлось бы дровъ поколоть, ну, да и это еще успѣю...

И въ воображеніи о. діакона проносится давно извѣстная картина домашней жизни.

Вотъ тамъ, за горкой, стоитъ его маленькій деревянный дсмикъ. Печально и сѣро смотритъ онъ изъ окружившаго его тощаго палисадника; деревянная тесовая крыша давно требуетъ ремонта, крыльцо готово обвалиться... Небольшой дворъ съ двумя хлѣвами, въ которыхъ помѣщаются корова и нѣсколько свиней—покрытъ соломой и всегда такъ назойливо рѣжетъ глаза хозяину.

— „Да, нужно будетъ перестраиваться: все въ упадкѣ—говорилъ часто о. діаконъ и каждый разъ откладывалъ ремонтъ до слѣдующаго года. Вотъ и теперь эта неотвязная мысль не даетъ покою. „И одна бѣда“ думаетъ о. діаконъ: „денегъ нѣтъ. Еслибъ семья была поменьше, справиться, пожалуй, было бы и можно, а то вѣдь за столь-то садишься самъ—девять. И все одинъ другого меньше... Вотъ за старшаго-то внесъ, собравшись кое-какъ, плату въ семинарію, а какъ теперь сами переберемся, ужъ и не знаю... Хорошо еще, что Симу взяли на казенный счетъ, а то просто зарѣзъ, а тамъ, по веснѣ, вези Лену, опредѣляй, убивай послѣднія копѣйки, а потомъ хоть волкомъ вой. Вѣдь на доходы-то нынѣшніе надѣяться плохо: прошлый мѣсяцъ вотъ тебѣ, Николай Петровичъ, о. діаконъ, тринадцать рубликовъ—живи, какъ хочешь. Эхъ! жизнь, ты жизнь неприглядная! Снуешь, кажется, весь свой вѣкъ, и весь вѣкъ бьешься изъ-за копѣйки...

Такъ размышляя о своемъ житиѣ бытиѣ, о діаконъ и не замѣтилъ, какъ вошелъ въ свое село.

— Отцу діакону наше почтеніе, встрѣтилъ о. діакона его пріятель—церковный староста, пріятный на видъ старичекъ, когда тотъ подходилъ уже къ дому.

— А, Степанъ Ильичъ! добраго здоровья!

Пріятели остановились и поздоровались за руку.

— Погодка-то какова!—началь староста.

— Да, не важная..

— А я къ вамъ заходилъ и газетку захватилъ: анъ, говорятъ, еще нѣтъ дома отца діакона... Эхъ, и труда же вамъ, какъ я посмотрю...

— Да, не легко... но, однако, идемъ же...

— И пріятели скрылись за воротами.

— Ты, братъ, Степанъ Ильичъ, извини меня на минутку—заговорилъ о. діаконъ, когда они вошли уже въ домъ: я, вѣдь, того... цѣлый день еще не ѣлъ, такъ я пообѣдаю, а потомъ вмѣстѣ и чайку наьемся. Я, братъ, живу побарскому; какъ

видишь, обѣдаю въ шестомъ часу; и повѣришь-ли, ничего еще, кромѣ двухъ стакановъ чаю, во рту не было.

И говоря это, онъ наскоро сѣдился за столъ и наскоро ѣлъ супъ и жареную картошку, которые хозяйка, суетясь и бѣгая, ставила передъ нимъ.

— Да, Степанъ Ильичъ, за день-то умаешься, что собака — утоливъ голодъ, заговорилъ о. діаконъ.

— Что и говорить?! Жизнь ваша, о. діаконъ, не изъ завидныхъ.

— Нѣтъ, раньше все-таки лучше было: Вѣдь раньше, какъ тебѣ и извѣстно, Степанъ Ильичъ, я занимался въ нашей школѣ. Оно, конечно, все трудъ — трудомъ, да какъ-ни говори — а дома; можно и пообѣдать и чайку сходить попить на перемѣнахъ — все, какъ слѣдуетъ. А и начальство не оставляло: первый годъ прислали 80 руб., второй 50, можетъ быть и еще сколько-нибудь прислали бы, да вотъ тутъ, какъ на грѣхъ, вдругъ открывается въ деревнѣ Запольѣ другая школа, школа грамоты... Кого учителемъ? Конечно, діакона!... Бухъ! Бумага... пожалуйста, молъ за 4 версты киселя хлѣбать и свои сапоги и одежду драть, а если, молъ, не желаете, наймите на свои доходы учителя, отдайте 120 рублей, потому, дескать, что вы діакона штатные и обязаны вести школьное дѣло... *). Степанъ Ильичъ! это мнѣ-то 120 рублей! Да гдѣ я возьму ихъ? Малыя деньги! нечего сказать — 120 руб., если самъ-то получишь только 300—350...

— Да и изъ нихъ-то, продолжалъ о. діаконъ, за сына заплати и ему же пошли на чай и на сахаръ, да и семью содержи... А содержать не два и не три человѣка, а семерыхъ... Да, что говорить? — ты самъ понимаешь... А вотъ только раскошеливайся: одному сапоги, другой полусапожки, третьему пальто, той платице, тому рубашенку... Оно, конечно, все это обрѣзки, да обрѣзки-то денежные...

— Да, трудно и тяжело... соглашается староста.

— Еще бы, Степанъ Ильичъ, другъ ты мой!... А тутъ — найми учителя!... 120 рублей... Эка, шутка... Да, не то... Вотъ чего я не пойму: неужели ктонибудь думаетъ, что мы труда боимся? Эхъ, братъ, мы не бѣжимъ отъ труда, лишь-бы только, кому это вѣдать надлежитъ, видѣли и понимали нашъ трудъ! Вотъ мнѣ, на примѣръ, нисколько не жалъ себя, и я не боюсь ни погоды, ни вьюги, ни холода и буду ходить и дѣ-

*) О. діаконъ, кажется, вспоминаетъ минувшее, чего теперь уже нѣтъ. Ред.

латъ свое дѣло, только не обижай же и меня своимъ невниманіемъ къ моему труду; замѣть только, что я тружусь на бщее, святое, такъ сказать, народное благо...

— Да, дѣла вамъ много, отецъ діаконъ! другой бы не выдержалъ...

— Правда, правда, Степанъ Ильичъ! Конечно, здоровья я пока крѣпкаго... А попробуй поставить другого, этакого, знаешь, бѣлоручку, что съ него будетъ? Вотъ ты изволь встать въ 6—7 часовъ и по холоду, вьюгѣ, слякоти и дождю часто — бѣжать за 4 версты въ школу, да и тамъ не сидѣть, а дѣло дѣлать, — а дѣло-то — охъ! трудное! знаетъ только одинъ нашъ братъ! И такъ до 4 часовъ съ двумя стаканами чаю... Да небо съ овчинку покажется... А столъ тамъ имѣть — значитъ двойные расходы! Покорно благодарю! Съ какихъ приходо- въ?

— Да, это правда!

— Правдѣ всякой правды, Степанъ Ильичъ! И вотъ съ пустымъ то желудкомъ идешь и домой — невеселый и хмурый... „Что это вы, о. діаконъ, такой сердитый?“ — Встрѣчаютъ одни... Такъ! — буркнешь и идешь себѣ... Что это вы, о. діаконъ, все молчите? — спрашиваютъ другіе... А, знаешь, Степанъ Ильичъ, плохо говорить и пѣть на желудокъ на голодный. Вотъ и молчишь... Мало этого, — (Не буду говорить про службу по церкви) — вѣдь и домой-то придешь — все дѣла! Вѣдь домъ, какъ безъ хозяйки, такъ и безъ хозяина, сирота... Эхъ, спохватился о. діаконъ, а про дрова-то я и позабылъ, до-того разговорился...

— Хватить на завтра вчерашнихъ — замѣчаетъ присѣвшая хозяйка.

— Ну, хватить, такъ хватить! Да, а что же чай? Діаконица, давай, сестра, поскорѣй, — нѣсколько оживившись, заговорилъ хозяинъ: смерть люблю чаекъ, Степанъ Ильичъ! Лучше всякаго напитка, особливо въ пріятномъ разговорѣ и компаніи... Да, кстати, и газетку тогда почитаемъ... Что-то тамъ на войнѣ дѣлается... Ты, Лена, возьми, выучи тамъ дальше двѣ исторіи — добавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшей поодаль дочкѣ съ книжкой — сегодня не будемъ заниматься... Въ училище повезу ее весной на экзамень, — Степанъ Ильичъ! Что-то Богъ дастъ, а уже второй разъ — не выдержала въ первый-то...

Дѣвочка нисколько не удивилась рѣшенію отца, потому что она уже нѣсколько разъ примѣчала, что послѣ школы онъ неохотно занимался съ нею и въ душѣ была рада этому.

Скоро зашумѣлъ на столѣ самоваръ и пріятели въ самомъ благодушномъ настроеніи принялись за чаепитіе, время отъ времени развлекаясь газеткой...

Часа черезъ два о. діаконъ уже провожалъ за ворота Степана Ильича.

И скоро всѣ заснули въ домѣ. Заснулъ и о. діаконъ, утомленный дневными трудами. Но и во снѣ напряженный до болѣзненности мозгъ его не находилъ покоя. И снилось ему дождливое сѣрое утро, дорога, покрытая грязью съ водой, холодная школа съ грибами въ стѣнахъ и хмурья, какъ и онъ, лица учащихъ школьниковъ.

А на улицѣ вѣтеръ и вьюга, обнявшись, какъ братъ и сестра, съ визгомъ и стономъ ударялись о ветхія ставни окошекъ и, подсмотрѣвъ черезъ нихъ горе и нужду трудовой жизни, улетали назадъ и, казалось, нигдѣ не находили успокоенія.

Священникъ *Петръ Сергѣевъ.*

На похоронахъ.

Въ № 518-мъ газеты „Волховской Листокъ“ помѣщена замѣтка о скорбной кончины гимназиста 7-го класса Новгородской гимназіи, Николая Калинина, утонувшаго 18 іюня въ с. Ракомо, во время купанья. На похоронахъ присутствовалъ директоръ Гимназіи А. Ѳ Колоколовъ. Во время отпѣванія усопшаго Антоць Ѳедоровичъ сказалъ коротенькую рѣчь, которая однако обратила на себя вниманіе многочисленнаго духовенства, собравшагося на похороны *). „Цвѣтъ нашей молодежи теперь гибнетъ на войнѣ за вѣру и отечество“, говорилъ приблизительно такъ А. Ѳ. явившимся на похороны гимназистамъ. „Но тамъ смерть понятна. Тамъ жизнь полагаютъ за идею, за вѣру и отечество. Смерть же предлежащаго юноши для насъ кажется бесполезною. Хочется уяснить ея таинственный смыслъ. Погибъ ученикъ, ученикъ хорошій по успѣхамъ и прекраснаго поведенія. Пусть бы погибъ худой ученикъ, тогда была бы ясна причина его смерти: худая трава изъ поля долой; но погибъ юноша, добрый и цвѣтущій силою и здоровьемъ. Жаль его, но погибъ онъ намъ въ поученіе. Покойный, всегда осторожный, пошелъ на тотъ свѣтъ отъ недостатка бдительности надъ собою. Если бы онъ былъ глупый, мы мало вынесли бы для своего вразумленія полезнаго изъ его кончины, — сказали бы для глупаго — неразумная и кончина. Но тутъ скончался одинъ изъ хорошихъ учениковъ: на него нашла

*) Покойный сынъ священника Соф. собора П. Калинина и гостилъ въ Ракомѣ у дѣда, прот. Георгіевскаго.

минута опрометчивости и онъ внезапно оставилъ насъ. Да, юноши, будьте осторожны въ морѣ житейскомъ, морѣ теперь особенно бурномъ—и для насъ скорбномъ! Даже осторожный гибнетъ въ немъ, а что будетъ съ слишкомъ опрометчивымъ“?

Послѣдняя мысль А. Θ. особенно задѣла вниманіе всѣхъ, всѣхъ заставивъ подумать и поговорить о нашихъ дняхъ.

Дѣйствительно, теперь у насъ времена смутныя: внѣшній врагъ на насъ наступаетъ, а внутренній—растлѣваетъ нашъ когда то крѣпкій государственный организмъ, дѣлаетъ Русь больною; пишутъ, что отъ ней уже пахнетъ тлѣніемъ разлагающагося, хотя еще живого, человѣка. Появляются у насъ на Руси какія то новыя вѣянія, мало намъ понятныя, но, какъ всякая новость, насъ обольщающія чѣмъ то необычнымъ, небудничнымъ. У русскаго человѣка сравнительно много свободнаго времени, онъ и радъ всякой новости, какъ пріятному развлеченію. Но люди стараго склада мысли, возросшіе на сѣменахъ родного поля, упоенные здоровою хладною водою родного намъ края, недоувѣрчиво встрѣчаютъ новыя вѣянія, подъ часъ отзываются крайностями. Ихъ страшитъ неизвѣстное будущее. Оно несетъ лучшіе, какъ увѣряютъ, порядки. Но они не знаютъ, перемянутся ли съ порядками и люди. Смута утомила всѣхъ. Каждый день намъ приноситъ новыя страшныя вѣсти, каждый день ставитъ новые вопросы о томъ, что представлялось рѣшеннымъ самою жизнію. И вотъ даже юные среди насъ, но вдумчивые съ недоумѣніемъ становятся предъ современными движеніями мысли и жизни. Освященное столѣтіями подвергается критикѣ, новое гызываетъ въ людяхъ съ сложившимися по старому укладу жизни убѣжденіями массу сомнѣній и недоумѣній. „Мама, лучше умереть, чѣмъ жить“, часто въ послѣднее время, по свидѣтельству родныхъ, повторялъ покойный гимназистъ Калининъ. У здороваго, сильнаго, отъ природы веселаго юноши были такія минуты, которыя вырывали изъ его устъ такія скорбныя фразы, дѣлали оптимиста пессимистомъ. И это совершалось въ юношѣ, который не обиталъ въ превыспреннихъ сферахъ; политику, какъ многіе юноши, не считалъ своимъ дѣломъ, потому что здраво рассуждалъ, что его дѣло учиться; политика же дѣло не его ума, ума незрѣлаго, да и не его молодого возраста, возраста увлекающагося, легкомысленнаго и легковѣрнаго. Много, очевидно, есть невыносимо тяжкаго въ окружающей насъ въ настоящее время жизни,—въ печати, если юноша въ 16 лѣтъ мечтаетъ объ успокоеніи въ вѣчности. Мало у насъ только дѣловыхъ людей, которые бы знали свое мѣсто и свое прямое дѣло.

Вотъ мысли, которыя бродили въ головѣ и высказывались послѣ рѣчи А. Ѳ. Колоколова. Хотѣлось, чтобы скорѣе прошло наше смутное время, чтобы скорѣе настала та пора, когда бы снова мы были бодры, веселы и при этомъ дѣятельны. А когда начальникъ—отецъ давалъ своему усоншему питомцу послѣдній, троекратный, прощальный поцѣлуй, то присутствовавшимъ припомнились всѣ тѣ помои, которые за послѣднее время были вылиты и продолжаютъ выливаться на голову педагоговъ. Вѣдь далеко не всякій мужчина можетъ плакать искренно даже по родномъ. А тутъ педагогъ плачетъ по своему питомцѣ... Хотѣлось бы, чтобы этотъ поцѣлуй, эти слезы начальника—отца удержали молодыя сердца его питомцевъ отъ ложныхъ увлеченій времени.

Деревяницкаго монастыря іерей *Клавдій Георіевскій*

На святой работѣ.

Ночка лѣтняя спустилась
Въ часъ обычный надъ селомъ;
Всѣ, что цѣлый день трудились,
Погрузились въ тихій сонъ.
Только вонъ—въ избѣ Трофима
Не до сна его семьѣ,—
Тускло тамъ горитъ лучина,
Водруженная въ свѣтцѣ.
Самъ Трофимъ лежитъ на лавкѣ
Блѣдный, слабый и больной:
Простудился онъ недавно,
Слегъ въ постель и не встаетъ.
Чуялъ онъ, что догорала
Трудовая жизнь его...
„За пономъ бы хоть послала“,
Вдругъ женѣ промолвилъ онъ.—
„Катя, сбѣгай“! Мать сказала
Дочкѣ старшей, а сама
Какъ то глухо застояла,
Тѣломъ всѣмъ своимъ дрожа.
Черезъ часъ явился пастыръ
Съ дароносицей въ рукахъ,
Чтобъ сподобить Святыхъ Таинъ
Горемыку мужика;

Чтобъ ихъ силой благодатной
Въ душу пахаря внести
Лучъ живительной отрады—
Всепрощающей любви.

Семья въ сѣни удалилась,
А священникъ, прочитавъ
Предъ Божницею молитвы,
Сѣлъ напротивъ мужика.

Осторожно и съ участиемъ
Пастырь спрашивалъ его,
Какъ въ погонѣ онъ за счастьемъ
Нарушалъ Христовъ законъ;

Какъ нужда его толкала
На нечестный часто путь,—
Какъ не прочь онъ былъ обманомъ
Кой-кого въ селѣ надуть;

Какъ не могъ стерпѣть обиды
Отъ сосѣда—мужика,
Весь уйдя въ заботы міра,
Равнодушный для добра.

Шагъ за шагомъ понемногу
Онъ затронулъ тѣ грѣхи,
Что извѣстны были Богу
Да тому, кто дѣлалъ ихъ...

Все Трофимъ ему повѣдалъ,
О чемъ много лѣтъ молчалъ,—
Все теперь онъ исповѣдалъ
Предъ служителемъ Христа.

Давъ больному разрѣшенье
Въ совершенныхъ имъ грѣхахъ,
Онъ сподобилъ причащенья
Святыхъ Таинъ мужика.

Съ вѣрой пламенной, живою
Принялъ ихъ теперь Трофимъ,
Приготовившись въ дорогу
Въ неизвѣстный ему міръ.

Смерть ужъ больше не страшила
Его слабого ума,
Вѣрилъ онъ, что къ жизни лучшей
Приведетъ его она.

Въ ту страну, гдѣ нѣтъ страданій,
Ни печали, ни нужды,
Ни сердечныхъ воздыханій,
Ни завистливой вражды.

Побесѣдовавъ съ Трофимомъ,
Іерей пошелъ домой,
Призадумавшись надъ жизнью,
Ожидающей сиротъ.

Каждый разъ, когда случалось,
У больныхъ ему бывать,
Его сердце содрогалось,
Видя муки мужика.

Словомъ теплаго участья,
Сострадательной любви
Онъ, какъ могъ, старался сбрасить
Догоравшую ихъ жизнь.

Василій Образцовъ.

Печаль вдоваго отца о дѣтяхъ.

Сижу у окна и дѣтей поджидаю:
Ушли они въ лѣсъ за грибами давно.
И самъ я съ собою одинъ разсуждаю:
Что мѣшкаютъ дѣти? Я вижу въ окно:
Собака бѣжитъ ужъ — она была съ ними;
Она вѣстовой, что всѣ близко идутъ.
Такъ гдѣ же они? Иль тропами какими
Въ лѣсу заблудились? Чего они ждуть?
Ужъ вечеръ. Какъ прежде, пустынна дорога,
Вотъ дождикъ забрызгаль — обмочить дѣтей. —
Бѣ душѣ появились сомнѣнье, тревога:
Они не попали ль на дикихъ звѣрей?
Вотъ лошадь, почуявъ грозу, прибѣжала,
Боровы мычатъ близъ дворовъ — дѣтей нѣтъ!
Прислугу послалъ бы, но та убѣжала
Куда то. Кричу ей — простылъ ея слѣдъ!
Обѣдать бы надо: накрылъ на столъ скатерть.
Тарелки поставилъ, сготовилъ хлѣбъ — соль.
Тоскую по дѣтямъ — въ могилѣ ихъ мать.

Молюсь, а внутри—застарѣлая боль.
Идутъ вразсыпную. „Стоали подь елью,
Кричатъ мнѣ, папаша, о насъ не тоскуй!“
Приносятъ грибовъ даже ягодъ, веселью
Предались... Самъ я раздѣвай ихъ, разумъ.
Что дѣлать? Богъ вдовому такъ судилъ жить!
Раздѣлъ, накормилъ и сталъ чаемъ поить...

Священникъ *Іоаннъ Виноградовъ*.

Надъ Библіей.

Въ книгѣ Притчей въ VIII главѣ Ипостасная Премудрость, Сынъ Божій, зоветъ людей къ жизни, согласной съ требованіями совѣсти и Божественнаго Откровенія. Какъ на побужденіе къ тому, чтобы этотъ призывъ былъ исполненъ человѣчествомъ, Сынъ Божій указываетъ на Свой Божественный авторитетъ; *Азъ премудрость вселихъ совѣтъ, и разумъ и смыслъ Азъ призвахъ*“ (Притчи VIII, 12). Выслушайте и исполните Мой призывъ, говоритъ этими словами Премудрость Божія, въ этой же главѣ объявляющая Себя предвѣчно рождающеюся отъ Бога и непосредственнымъ дѣятелемъ мірозданія (Притчи VIII, 22—25), т. е. Сыномъ Божіимъ, выслушайте и исполните мой призывъ къ добродѣтели, потомучто его предлагаю Я.

И то обстоятельство, что нашимъ учителемъ въ нравственной жизни является Христосъ *Сынъ Божій*, имѣетъ существенное значеніе. Послушайте разсужденія Іустина Философа, христіанскаго апологета II вѣка. „Наше обновленіе или избавленіе отъ діавола Спаситель совершилъ“, разсуждаетъ Іустинъ, „прежде всего ученіемъ Своимъ, такъ какъ діаволь держалъ людей въ непроходимой намъ заблужденій. И до пришествія Христа люди имѣли, даже язычники, правильныя познанія, но не во всей полнотѣ; языческіе философы, особенно Сократъ, пытались разсвѣять въ людяхъ тьму заблужденій, но это не могло удасться имъ вполнѣ, потомучто они а) сами знали мало, и б) *слово ихъ не было авторитетно*. Поэтому-то Платонъ говоритъ: „Отца и Зиждителя всего и найти не легко, и, нашедши, возвѣстить Его всѣмъ не безопасно“. „Однако“, говорилъ Іустинъ, „нашъ Христосъ сдѣлалъ это Своею силою, *потомучто Ею*

слово не было словомъ чловѣка, ученаго или софиста, которые и сами едва ли крѣпко убѣждены въ томъ, что говорятъ другимъ, но слово самой истины... слово Его было сила Божія. Іустинъ о собственномъ своемъ опытѣ говоритъ: „меня увлекла Божественная сила ученія и могущество Слова“. Вотъ почему Сократу никто не повѣрилъ такъ, чтобы рѣшился умереть за его ученіе; напротивъ, Христу, котораго отчасти позналъ и Сократъ, повѣрили не только философы и ученые, но и ремесленники и вовсе необразованные, презирая и славу, и страхъ, и смерть, *потому что все это производитъ сила неизреченная Отца, а не средства чловѣческаго разума*“. Полное знаніе во Христѣ, какъ Богъ *).

Въ извѣстныхъ трехъ разговорахъ „Подъ пальмами“ нашъ покойный философъ и богословъ Владиміръ Соловьевъ рисуетъ картину вселенскаго собора, имѣющаго предшествовать второму пришествію Христа Спасителя.

„Открытіе собора было внушительно. Двѣ-трети огромнаго храма были уставлены скамьями и другими сидѣніями для членовъ собора, одна треть была занята высокою эстрадой, гдѣ, кромѣ императорскаго трона и другого—пониже для великаго мага, были ряды креселъ сзади для министровъ, придворныхъ и статсъ-секретарей, а сбоку болѣе длинные ряды креселъ, назначеніе которыхъ было неизвѣстно. На хорахъ были оркестры музыки, а на сосѣдней площади выстроились два гвардейскіе полка и батарея для торжественныхъ залповъ. Члены собора уже отслушали свои богослуженія въ разныхъ церквахъ, и открытіе собора должно было быть вполнѣ свѣтскимъ. Когда вошелъ императоръ съ великимъ магомъ и свитою, и оркестръ заигралъ „маршъ единого чловѣчества“, служившій имперскимъ международнымъ гимномъ, всѣ члены собора встали и махая шляпами трижды громко прокричали—Vivat! Ура! Ноч!—Императоръ, ставши около трона и съ величественною благосклонностью протянувши руку, произнесъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ: „Христіане всѣхъ толковъ! Возлюбленные мои подданные и братья! Отъ начала моего царствованія, которое Высшій благословилъ такими чудными и славными дѣлами, я ни разу не имѣлъ повода быть вами недовольнымъ: вы всегда исполняли свой долгъ по вѣрѣ и совѣсти. Но мнѣ этого мало. Моя усвоенная любовь къ вамъ, братья возлюбленные, жаждетъ

*) Мысли Іустина Философа переданы по изложенію ихъ у прот. проф. Свѣтлова въ его сочиненіи „Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ“ Стр. 117 и далѣе.

взаимности. Я хочу, чтобы не по чувству долга, а по чувству сердечной любви, вы признали меня вашим истинным вождем во всяком дѣлѣ, предпринимаемомъ для блага человѣчества. И вотъ, кромѣ того, что я дѣлаю для всѣхъ, я хотѣлъ бы оказать вамъ особая милости. Христіане, чѣмъ могъ-бы я васъ осчастливить? Что дать вамъ не какъ моимъ подданнымъ, а какъ единовѣрцамъ, братьямъ моимъ? Христіане! скажите мнѣ, что для васъ всего дороже въ христіанствѣ, чтобы я могъ въ эту сторону направить свои усилія?“ Онъ остановился и ждалъ. По храму носился глухой гулъ. Члены собора перешептывались между собою. Папа Петръ ¹⁾, горячо жестикулируя, толковалъ что-то своимъ окужающимъ. Профессоръ Паули ²⁾ качалъ головой и ожесточенно чмокалъ губами. Старецъ Іоаннъ ³⁾, наклонившись надъ восточнымъ епископомъ и капуциномъ, что-то тихо ввусалъ имъ. Прождавши нѣсколько минутъ, императоръ обратился къ собору тѣмъ-же ласковымъ тономъ, но въ которомъ звучала едва уловимая нотка ироніи: „Любезные христіане, сказалъ онъ. Я понимаю, какъ труденъ для васъ одинъ прямой отвѣтъ. Я хочу помочь вамъ и въ этомъ. Вы, къ несчастію, съ такихъ незапамятныхъ временъ распались на разные толки и партіи, что, можетъ быть, у васъ и нѣтъ одного общаго предмета влеченій. Но если вы не можете согласиться между собою, то я надѣюсь согласить всѣ ваши партіи тѣмъ, что окажу имъ всѣмъ одинакую любовь и одинакую готовность удовлетворить истинному стремленію каждой.—Любезные христіане! я знаю, что для многихъ и не послѣднихъ изъ васъ всего дороже въ христіанствѣ тотъ духовный авторитетъ, который оно даетъ своимъ законнымъ представителямъ,—не для ихъ собственной выгоды, конечно, а для общаго блага, такъ-какъ на этомъ авторитетѣ зиждется правильный духовный порядокъ и правильная дисциплина, необходимая для всѣхъ. Любезные братья-католики! о какъ я понимаю вашъ взглядъ, и какъ-бы я хотѣлъ опереть свою державу на авторитетъ вашего духовнаго главы! Чтобы вы не думали, что это лесть и пустыя слова,—торжественно объявляемъ: согласно нашей самодержавной волѣ верховный епископъ всѣхъ католиковъ папа римскій возстановляется отнынѣ на престолѣ своемъ въ Римѣ со всѣми прежними правами и преимуществами своего званія и кафедры, когда-либо данными ему отъ нашихъ предшественниковъ начиная съ императора Кон-

¹⁾ представитель римской церкви.

²⁾ представитель протестантства,

³⁾ представитель православной церкви.

стантина Великаго. — А отъ васъ, братья-католики, я хочу за это лишь внутренняго сердечнаго признанія меня вашимъ единственнымъ заступникомъ и покровителемъ. Кто здѣсь по совѣсти и чувству признаетъ меня такимъ, пусть идетъ сюда ко мнѣ“. И оня указалъ пустыя мѣста на эстрадѣ. И съ радостными восклицаніями: *gratias agimus! Domine! salvum fac magnum imperatorem* почти всѣ князья католической церкви, кардиналы и епископы, большая часть вѣрующихъ мірянъ и половина монаховъ взошли на эстраду и, послѣ низкихъ поклоновъ по направленію къ императору, заняли свои кресла. Но внизу посрединѣ собора, прямой и неподвижный, какъ мраморная статуя, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ папа Петръ II. Все, что его окружало, было на эстрадѣ. Но оставшаяся внизу кучка монаховъ и мірянъ сдвинулась къ нему и сомкнулась тѣснымъ кольцомъ, и оттуда слышался сдрезанный шопотъ: *non praevallebunt, non praevallebunt portae inferni*.

Взглянувъ съ удивленіемъ на неподвижнаго папу, императоръ снова возвысилъ голосъ. „Любезные братья! Знаю я, что между вами есть и такіе, для которыхъ всего дороже въ христіанствѣ его священное преданіе, старыя символы, старыя пѣсни и молитвы, иконы и чинъ богослуженія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть дороже этого для религіозной души? Знайте же, возлюбленные, что сегодня подписанъ мной уставъ и назначены богатыя средства всемірному музею христіанской археологіи. въ славномъ нашемъ имперскомъ городѣ Константинополѣ, съ цѣлью собиранія, изученія и храненія всякихъ памятниковъ церковной древности, преимущественно восточной, а васъ я прошу завтра-же избрать изъ среды своей комиссію для обсужденія со мною тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты съ цѣлью возможнаго приближенія современнаго быта, нравовъ и обычаевъ къ преданію и установленіямъ святой православной церкви! Братья православные! кому по сердцу эта моя воля, кто по сердечному чувству можетъ назвать меня своимъ истиннымъ вождемъ и владыкою, пусть взоидетъ сюда“. — И большая часть іерарховъ востока и сѣвера, половина бывшихъ старовѣровъ и болѣе половины православныхъ монаховъ и мірянъ — съ радостными кликами взошли на эстраду, косясь на горделиво возсѣдавшихъ тамъ католиковъ. — Но старецъ Іоаннъ не двигался и громко вздыхалъ. И когда толпа вокругъ него совсѣмъ порѣдѣла, онъ оставилъ свою скамью и пересѣлъ ближе къ папѣ Петру и его кружку. За нимъ послѣдовали и прочіе православные, не по-

шедшіе на эстраду.— Опять заговорилъ императоръ. „Извѣстны мнѣ, любезные христіане, и такіе между вами, что всего болѣе дорожатъ въ христіанствѣ личною увѣренностью въ истинѣ и свободнымъ изслѣдованіемъ Писанія. Какъ я смотрю на это— нѣтъ надобности распространяться. Вы знаете, можетъ быть, что еще въ ранней юности я написалъ большое сочиненіе по библейской критикѣ, произведшее въ то время нѣкоторый шумъ и положившее начало моей извѣстности. И вотъ вѣроятно въ память этого здѣсь на этихъ дняхъ присылаетъ мнѣ просьбу тюбингенскій университетъ принять отъ него почетный дипломъ доктора теологіи. Я велѣлъ отвѣчать, что съ удовольствіемъ и благодарностью принимаю. А сегодня вмѣстѣ съ тѣмъ музеемъ христіанской археологіи подписалъ я учрежденіе всемірнаго института для свободнаго изслѣдованія священнаго писанія и изученія всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, съ 1¹/₂ милліона марокъ годового бюджета. Кому изъ васъ по сердцу такое мое душевное расположеніе и кто можетъ по чистому чувству признать меня своимъ державнымъ вождемъ, прошу сюда къ новому доктору теологіи“. И прекрасныя уста великаго человѣка слегка передернуло какой-то странной усмѣшкой. Больше половины ученыхъ теологовъ двинулось къ эстрадѣ, хотя съ нѣкоторымъ замедленіемъ и колебаніемъ. Всѣ озирались на профессора Паули, который будто приросъ къ своему сидѣнью. Онъ низко опустилъ голову, согнулся и съежился. Издали виднѣлась только его лысина и бантъ галстуха, точно бѣлая бабочка, сѣвшая подъ тыквой. Взшедшіе на эстраду ученые теологи конфузились, а одинъ вдругъ махнулъ рукой и, соскочивъ прямо внизъ мимо лѣстницы, прихрамывая побѣжалъ къ профессору Паули и оставшемуся при немъ меньшинству. Тотъ поднялъ голову и, вставши съ какимъ-то неопредѣленнымъ движеніемъ, пошелъ мимо опустѣвшихъ скамей, сопровождаемый устоявшими единовѣрцами, и подѣлъ съ ними ближе къ старцу Іоанну и папѣ Петру съ ихъ кружками.

Значительное большинство собора и въ томъ числѣ почти вся іерархія Востока и Запада находилась на эстрадѣ. Внизу оставались только три сблизившіяся между собой кучки людей, жавшихся около старца Іоанна, папы Петра и профессора Паули.

Грустнымъ тономъ обратился къ нимъ императоръ. „Что еще могу я сдѣлать для васъ? Странные люди! Чего вы отъ меня хотите? Я не знаю. Скажите-же мнѣ сами, вы, христіане, покинутые большинствомъ своихъ братьевъ и вождей, осужденные народнымъ чувствомъ: что всего дороже для васъ въ хри-

стіанствѣ?“ Тутъ, какъ бѣлая свѣча, поднялся старецъ, Іоаннъ и кротко отвѣчалъ: „*Великій Государь! Всею дороже для насъ въ христіанствѣ самъ Христосъ,— Онъ Самъ, а отъ Него все, ибо мы знаемъ, что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно.* Но и отъ тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только въ щедрой рукѣ твоей опознаемъ святую руку Христову. И на вопросъ твой: что можешь сдѣлать для насъ,—*вотъ наши прямой отвѣтъ: исповѣдуй здѣсь теперь передъ нами Іисуса Христа Сына Божія, во плоти пришедшаго, воскресшаго и паки ірядущаго,—исповѣдуй Его, и мы съ любовью примемъ тебя, какъ истиннаго предтечу Его второго славнаго пришествія*“. Онъ замолчалъ и уставился взоромъ въ лицо императора. Съ тѣмъ дѣлалось что-то недоброе. Внутри его поднялась такая-же адская буря, какъ та, что онъ испыталъ въ ту роковую ночь. Онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы не броситься съ дикимъ воплемъ на говорившаго и не начать грызть его зубами. Онъ молчалъ. Только помертвѣвшее и потемнѣвшее лицо его все перекосилось, и изъ глазъ вылетали искры...

Такъ существенно важною представляется наша вѣра во Христа, какъ въ Сына Божія. Сказать, что для христіанства безразлично признавать или не признавать Божественное достоинство Лица Христова, значитъ поставить христіанство въ рядъ обычныхъ человѣческихъ ученій и съ симъ вмѣстѣ лишить его обязательности. Отрицаніе въ христіанствѣ значенія за его догматическою стороною первый шагъ къ отрицанію за нимъ всякаго значенія. И только, не дѣлая необходимыхъ логическихъ выводовъ изъ этого первоначальнаго отрицанія, можно остановиться на полпути, сохранивъ уваженіе къ нравственному христіанскому ученію.

* *
*

Въ той же VIII главѣ вн. Притчей Сынъ Божій говоритъ: „Въ путехъ правды хожду, и посреде стезь оправданія живу: да раздѣлю любящимъ Мя имѣніе, и сокровища ихъ исполню благихъ“ (ст. 20). Тутъ воплотившійся Сынъ Божій указываетъ на Свой примѣръ исполненія Имъ требованій добра, ободряющій Его послѣдователей стать на путь повидимому неисполнимыхъ требованій высоконравственной жизни. При чтеніи этихъ словъ ветхозавѣтной книги приходятъ на память слова Спасителя, гдѣ Онъ призываетъ насъ взять Его примѣромъ жизни, отвѣчающей требованіямъ нравственнаго и христіанскаго долга. „Прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Воз-

мите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мѡ. XI, 28—29). „Образъ дахъ вамъ, говоритъ Спаситель на тайной вечери, по омовеніи ногъ ученикамъ Своимъ, да, яко-же Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите“ (Іоанн. XIII, 15).

И человѣчество до-христіанское, видимъ мы, глубоко сознавало потребность въ воплощенномъ идеалѣ святости. „Мы должны“, говоритъ Эпикуръ, „отыскать для себя такого благовопитаннаго человѣка, который находился бы постоянно предъ нашими глазами, чтобы жить такъ, какъ бы онъ смотрѣлъ на насъ, и всегда поступать такъ, какъ бы самъ онъ видѣлъ наши дѣянія“. А такъ какъ, даже, и самый вѣрный другъ не гарантированъ отъ всевозможныхъ паденій, а мы, къ прискорбію, очень часто убѣждаемся въ той истинѣ, что и другіе не сильнѣе насъ, то стойки указываютъ на древнихъ героевъ, или на идеалъ человѣка-философа. „Носи въ своемъ сердцѣ единое существо“, пишетъ Сенека, „чтобы почитать его съ такимъ благоговѣніемъ, которое освящало бы всю твою душу. О, какъ счастливъ тотъ, кто совершенствуется не только въ присутствіи такого существа, но и одною мыслью о немъ“. Честность Аристиды, славаThemistocles, добродѣтель Эпаминонда, твердость Катона и т. п. представляли собой любимый предметъ прославленія со стороны стоической школы. Какъ видно, не было недостатка въ образцахъ нравственности; но, именно, въ этомъ-то изобиліи ихъ и заключалась недостаточность каждаго изъ нихъ для добродѣтельной жизни. Споръ о томъ: кто же лучшій изъ героевъ? всѣхъ ихъ низводилъ съ высоты величія, а для учениковъ, подчасъ, и Діогенъ казался недостаточно бѣднымъ, и Эпаминондъ—не вполне мужественнымъ, и въ Катонѣ видѣли очень мало катоновскаго. Съ историческими идеалами произошло, въ концѣ концовъ, то же, что и съ живыми, и жаждущіе исцѣленія опять пришли къ тому горестному сознанію, что и мудрецъ—все тотъ же несовершенный человѣкъ *).

Такимъ образомъ то обстоятельство, что во Христѣ Спасителѣ мы имѣемъ живое воплощеніе христіанскаго ученія, тотъ безспорный фактъ, что Іисусъ Христосъ учитъ насъ столько же и Своимъ примѣромъ, сколько Своимъ ученіемъ, имѣетъ существенное значеніе. Здѣсь удовлетворены тѣ настойчивыя и однако, какъ видѣли мы, безплодныя исканія живого образца добродѣтели, которыя всегда заявляютъ о себѣ въ человѣчествѣ, какъ съ силою заявляли и во времена до христіанскія.

---

*) Христ. Чт. апрѣль 1905 г. стр. 538—539.

Пастырская проповѣдь.

Совершивъ дѣло спасенія людей, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, предъ Своимъ вознесеніемъ на небо, далъ слѣдующую заповѣдь Апостоламъ: „*идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елико заповѣдахъ вамъ*“ (Матѳ. 28. 19—20). Въ этихъ словахъ Онъ указалъ Свв. Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ преемникамъ ихъ служенія, — пастырямъ церкви, три главныя обязанности: „*учить*“ (научите), „*священнодѣйствовать*“ (крестяще) и „*руководить*“ (учаще блюсти). Учительство поставлено Иисусомъ Христомъ на первомъ мѣстѣ потому, что оно составляетъ первое начальное средство для возбужденія въ душахъ людей вѣры въ Бога. Св. Апостолы, слѣдуя примѣру и наставленіямъ своего учителя, проповѣдь слова Божія считали одною изъ главныхъ своихъ обязанностей. Ближайшіе по времени и по ревности преемники Апостоловъ — пастыри церкви — смотрѣли на учительство, какъ на одну изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. По примѣру древней христіанской церкви и наша русская въ своихъ постановленіяхъ постоянно внушала пастырямъ церкви смотрѣть на проповѣдь слова Божія, какъ на очень важную обязанность. Наставленія Иисуса Христа о важности церковнаго учительства, примѣры Св. Апостоловъ и Отцевъ церкви и правила вселенской церкви — все говоритъ за то, что проповѣдь и при томъ постоянная, при совершеніи каждаго богослуженія, есть неотложная обязанность каждаго пастыря церкви — обязанность, которая отнюдь не можетъ устраняться другою обязанностію — совершеніемъ богослуженія. Вслѣдствіе этого, всегда помня заповѣдь Спасителя и примѣры свв. Апостоловъ и Отцевъ церкви, я въ каждый воскресный и праздничный день неопустительно проповѣдывалъ Слово Божіе. Въ каждый праздничный день предлагаю поученіе на утрени по руководству житій святыхъ и исторіи праздника, которое прямо отвѣчаетъ тому, о чемъ въ данное время учить св. церковь. Послѣ утрени предлагаю въ храмѣ бесѣду о предметахъ вѣры и христіанской нравственности. На литургіи постоянно, говорю двѣ проповѣди: одну послѣ Евангелія по руководству положеннаго Евангельскаго или апостольскаго чтенія, а другую въ концѣ литургіи противъ пороковъ, суевѣрій и дурныхъ обычаевъ паствы. Наконецъ, по окончаніи торжественной вечерни съ акаѳистомъ, веду бесѣду въ храмѣ противъ пьянства и призываю слушателей къ воздержанію и вступленію въ число членовъ открытаго мною общества

трезвости. Съ особеннымъ усердіемъ предлагаю поученія пасомымъ съ недѣли Мытаря и Фарисея и въ теченіе всего великаго поста о необходимости и пользѣ для христіанъ таинствъ покоянія и причащенія. По пятницамъ великаго поста произношу постоянно девять проповѣдей: первую—на утрени; вторую—(бесѣду) послѣ утрени; третью—послѣ чтенія 3-го часа; четвертую—послѣ чтенія 6-го часа; пятую послѣ чтенія 9-го часа; шестую—въ концѣ литургіи преждеосвященныхъ даровъ; седьмую—на повечеріи; восьмую—предъ исповѣдью и девятую—послѣ исповѣди. И вполне вѣрю въ силу старинной поговорки: „Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo“, Прихожане, подѣ влияніемъ неопустительной пастырской проповѣди, ежегодно неопустительно исполняютъ долгъ исповѣди и св. причастія. Содержаніе поученій и бесѣдъ записывается въ особый журналъ. Кстатѣ нахожу нужнымъ сказать, что постоянное назиданіе мною своихъ пасомыхъ словомъ Божіимъ не остались безъ вниманія и со стороны нашего Архипастыря. Владыка изволилъ отъ 10-го Августа 1903 года за № 3988-мъ положить слѣдующ. резолюцію; „*Благодарю о. Іоанна за постоянное проповѣданіе Слова Божія въ церкви и за назиданіе своей паствы и благословляю его на дальнѣйшіе труды. Трудящіеся въ проповѣданіи Слова Божія священники мною не будутъ забыты*“ (Указъ Духовной Консисторіи, отъ 14 Августа 1903 года за № 9561). Послѣднія строки резолюціи Владыки—Архипастыря должны быть отнесены и ко всѣмъ пастырямъ церкви Новгородской. И мнѣ кажется, что и всѣ о.о. пастыри Новгородской епархіи, особенно молодые и сильные духомъ, должны быть настойчивыми и терпѣливыми сѣятелями Слова Божія. Они не должны складывать своего духовнаго оружія потому только, что нѣкоторые изъ нихъ не видятъ осязательнаго и непосредственнаго плода отъ своихъ проповѣдей, что прихожане ихъ, сколько имъ не говори, все равно продолжаютъ дѣлать свое грѣховное дѣло. Если когда, то именно нынѣ настаетъ по апостолу нужда „*обличать, запрещать, умолять*“ (2 Тим. IV, 2). Не слѣдуетъ также забывать и слова Спасителя, который говоритъ, что „*инъ есть сѣяй, и инъ есть жнй*“ (Іоан. 4, 37). Сѣмя слава Божія, посѣянное на нивѣ Христовой рукою трудолюбиваго пастыря, не можетъ оставаться безслѣднымъ. Оно, при помощи Божіей, всегда приноситъ добрый плодъ, хотя, быть можетъ, и не сряду. Пріятно было бы для пастырей, если-бъ каждому изъ нихъ пришлось увидѣть въ своихъ прихожанахъ своими глазами не одно слушаніе или изу-

ченіе евангельской истины, по искреннее усвоеніе ея всѣмъ сердцемъ; тогда можно бы было сказать съ Апостоломъ Іоанномъ: „больше сея не имамъ радости, да слышу моя чада во истинѣ ходяща“ (3 Іоан. I, 4). Но если бы этого и не было, во всякомъ случаѣ для пастыря церкви должно служить истиннымъ утѣшеніемъ, съ одной стороны, сознаніе, что имъ исполняется священный долгъ, возложенный на него Пастыреначальникомъ Іисусомъ Христомъ, а съ другой—увѣренность въ томъ, что сѣемое имъ дастъ всходы въ будущемъ.

Свящ. NN.

II. С о о б щ е н і я.

Что сдѣлало христіанство. Наши современники, подчасъ, обращающіе свое завистливое око къ древнеримскому язычеству, едва ли, даже, и подозрѣваютъ все то, чѣмъ мы обязаны христіанству: такъ, къ сожалѣнію, они далеки отъ него и такъ слабо проникнуты его животворными началами. А, между тѣмъ, все доброе въ семейной и въ общественной жизни глубоко коренится въ христіанской вѣрѣ. „Не представляется ли невозможнымъ“, спрашиваетъ первоклассный историкъ М. Gaston Boissier, „что во времена Цезарей и Антониновъ, въ самомъ расцвѣтѣ гуманности и цивилизаціи, считали совѣмъ зауряднымъ явленіемъ, что какой либо отецъ полагалъ своего ребенка на порогъ своего дома и здѣсь оставлялъ его на голодную и холодную смерть, если не хотѣлъ его воспитывать? Такой обычай продолжался до времени Константина, причемъ ни одинъ честный человекъ не проникался негодованіемъ, и, даже, самъ Сенека, повидимому, не поражался этимъ“.

Болѣе двухъ третей образованнѣйшихъ странъ земли были проданы въ рабство и употреблялись единственно на то, чтобы служить чувственности остальной трети. Господа имѣли неограниченную власть надъ рабами, могли по произволу нещадно бить ихъ и, даже, предавать смертной казни. „Если ты приказываешь поднять на крестъ раба“, читаемъ въ сатирѣ Горація, „за то, что онъ, подавая блюдо, отвѣдалъ немного соуса, или надрѣзанной рыбы, то не глупѣе ли ты, въ этомъ случаѣ, Лабедона“? Ведій Полліонъ, другъ Августа, содержалъ огромное число му-

ренъ (родъ угрей). для откармливанія которыхъ приказывалъ бросать своихъ рабовъ (Plin. lib. LX, с. XXXIX). Сенаторъ К. Фламиній приказалъ умертвить одного изъ своихъ рабовъ безъ всякой другой причины, кромѣ той, чтобы новизной зрѣлища потѣшить одного изъ своихъ угодниковъ, невидавшаго, какъ убиваютъ человека (Plur. Vita Q. Flamin.). Если глава семейства былъ убитъ въ своемъ домѣ, и не удалось открыть убійцу, то всѣ его рабы подлежали смертной казни. И, въ особенности, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти возмутительныя насилія, которымъ съ трудомъ вѣрится, въ то время считались прямымъ выраженіемъ естественнаго права. Законодательство первое произнесло противъ рабовъ жестокой приговоръ: *non tam viles, quam nulli sunt*. Обратимъ еще вниманіе на этотъ языческій міръ и не погнушаемся проникнуть въ глубину той его раны, которую представляютъ собой гладіаторскіе бои. Къ разряду гладіаторовъ причислялись плѣнники, рабы, преступники, осужденные на смертную казнь. Ихъ особымъ образомъ воспитывали и приготавливали къ предстоящей имъ ужасной участи и потомъ цѣлыми тысячами загоняли, какъ на бойню, въ огромный амфитеатръ, гдѣ они принуждены были сражаться одни съ другими и убивать другъ друга для потѣхи гражданъ всякаго званія, состоянія и пола. Эти кровавыя зрѣлища, по исчисленію Липсіа, поглощали иногда двадцать и тридцать тысячъ несчастныхъ въ продолженіе одного мѣсяца. Весь Римъ стремился къ этимъ бойнямъ, находя въ нихъ величайшее удовольствіе. Тутъ не было мѣста никакому состраданію. Раскаленнымъ желѣзомъ и ударами бичей принуждали сражаться до смерти тѣхъ гладіаторовъ, которые умѣли защищаться отъ меча, Когда же истекающій кровью гладіаторъ, въ безсиліи, падалъ на землю, отказываясь продолжать борьбу, — тысячи рукъ протягивались съ указаніемъ добить его, и если онъ просилъ пощады, то самымъ младшимъ изъ римскихъ женщинъ предоставлялось удовольствіе отказать несчастному въ его просьбѣ и онѣ жестами подавали знакъ умертвить его. По рассказамъ Сенеки, римскій народъ былъ до того ненасытенъ въ отношеніи этой страшной смертельной рѣзни, что гладіаторы, утромъ уцѣлѣвшіе отъ пасти и когтей дикихъ звѣрей, должны были по-полудни снова выходить на бой, но уже безъ всякаго оружія для своей защиты, чтобы доставить безчеловѣчное удовольствіе зрителямъ большимъ количествомъ смертельныхъ ранъ и множествомъ умирающихъ. И всѣ эти отвратительнѣйшія мерзости смертоубійства соединялись съ утонченною разборчивостью, съ крайнимъ

великолѣпіемъ и наслажденіемъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Звуки великолѣпнаго оркестра изъ тысячи музыкальныхъ инструментовъ смѣшивались съ воулями и стопами амфитеатра. Пурпуровые, шитые золотомъ, покровы были растянуты надъ головами зрителей для защиты ихъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Молодые, красивые рабы подходили къ каждому изъ убитыхъ гладіаторовъ, и граблями расчищали окровавленный песокъ. Посредствомъ искусно проведенныхъ трубъ воздухъ насыщался всякими благовоніями и смягчалъ острый запахъ крови. Мозаическія картины, статуи, барельефы и набожныя издѣлія изъ драгоценныхъ мраморовъ изяществомъ и разнообразіемъ очаровывали взоръ публики, а подъ сводами амфитеатра, подъ вывѣскою, изображавшею безстыдную эмблему, находился будуаръ развратныхъ женщинъ, со стороны окровавленной арены и наваленныхъ труповъ. И, что замѣчательно, такія безчеловѣчныя удовольствія были свойственны не какимъ либо двумъ-тремъ чудовищамъ вродѣ Нерона или Калигулы; нѣтъ, имъ съ одинаковымъ неистовствомъ предавались и самые кроткіе государи, даже такіе, которые заслужили себѣ названіе „утѣшенія рода человѣческаго“. Цѣлое общество требовало, чтобы ему открывали эти бойни, съ такой же алчностью, съ какой оно старалось ежедневно добывать себѣ насущный хлѣбъ. *Rapem et circenses!*—вотъ обыкновенный ревъ кровожадной толпы (Juven. Sat. X). Роскошно празднуя одержанныя надъ Дакійцами побѣды, Траянъ устроилъ гладіаторскія зрѣлища, непрерывно продолжавшіяся сто шестьдесятъ дней, причемъ было растерзано и убито десять тысячъ гладіаторовъ и одиннадцать тысячъ дикихъ звѣрей. Знаменитый натурфилософъ, Плиніи младшій, въ написанномъ по этому случаю панегирикѣ въ честь Траяна не проронилъ ни одного слова сожалѣнія о погибшихъ жертвахъ, зато превозноситъ справедливость и человѣколюбіе прославленнаго имъ героя. Въ чемъ же проявились добрыя качества послѣдняго? Да въ томъ, что онъ не приказывалъ схватывать изъ среды зрителей и бросать на арену новыя жертвы и тѣмъ не увеличилъ и безъ того чудовищное людоѣдство. Калигула въ этомъ отношеніи былъ рѣшительнѣе: однажды, когда не доставало гладіаторовъ предъ разсвирѣпѣвшими звѣрьми, онъ повелѣлъ первыхъ, попавшихся ему на глаза, зрителей схватить, отрѣзать имъ языки, чтобъ несчастные не могли вопить о пощаду, и бросить ихъ звѣрямъ (Tacit. Annal. Lib. VII, supplem. 29) Описываемые нравы казались современникамъ настолько естественными, что, даже, и сами жертвы приготовлялись къ своей жестокой участи

съ какою-то тупой и бессмысленною покорностью судьбѣ. Онѣ какъ бы уже потеряли сознание своего права на жизнь. Расторгающая всѣ житейскія связи смерть ничего не значила для нихъ по сравненію съ невыносимымъ рабствомъ. Даже и ея мрачная сѣнь не была для нихъ убѣжищемъ свободы. Чело, которое она готова была осѣнить, униженно повергалось въ прахъ, чтобы въ послѣдній разъ воздать благоговѣйное поклоненіе Богу—Римскому Кесарю: „Ave, Caesar, morituri te salutant!“—съ такими словами готовились бойцы къ переходу въ лучшій міръ. Кажется, нѣтъ никакой возможности представить себѣ что либо болѣе возмутительное и болѣе принижающее человѣческое достоинство, чѣмъ сколько свидѣтельствуется объ этомъ сама, съ фотографическою вѣрностью воспроизводящая одну изъ потрясающихъ сценъ языческаго міра, мрачная картина. Достаточно только воскресить ее въ своемъ воображеніи, чтобы видѣть весь ужасъ положенія, въ которомъ находилось дохристианское язычество и съ тѣмъ большей радостью привѣтствовать явленіе Христіанства, „показавшаго намъ свѣтъ“ *).

Причины быстрого распространенія христіанства по разсужденіямъ проф. А. Гарнака въ его трудѣ „Миссіонерская проповѣдь и распространеніе христіанства въ первые три вѣка“ **).

Что въ особенности обращаетъ на себя вниманіе уже при первомъ знакомствѣ съ новымъ трудомъ А. Гарнака, это оригинальная постановка дѣла. Вопросъ, занимающій его, не новъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе законченномъ курсѣ церковной исторіи всегда отводится извѣстный отдѣлъ, занимающійся обсужденіемъ причинъ, вызвавшихъ быстрое распространеніе христіанства. Многіе пункты этого отдѣла сдѣлались почти стере-

*) Изъ ст. прот. проф. Аквилонова, Христіанство и современныя событія Христ. Чт. Апрель 1905 г.

**) Имя Гарнака у насъ довольно извѣстно, но лишь съ отрицательной стороны. Даже его знаменитый «Lehrbuch der Dogmengeschichte» (Учебникъ по исторіи догматовъ,—два объемистыхъ тома), вышедшій теперь уже третьимъ изданіемъ (1894 г.) и содержащій въ себѣ много поучительнаго и для православнаго богослова не встрѣтилъ у насъ ни одного одобрительнаго слова. О „сущности христіанства“, надѣлавшей столько шума на западѣ и у насъ, и говорить нечего. Между тѣмъ въ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ А. Гарнака, въ сужденіяхъ его о Лицѣ Іисуса Христа, о благовѣстіи евангельскомъ и о христіанскихъ общинахъ, составившихся изъ послѣдователей Его, есть много положительныхъ элементовъ. Гарнакъ уроженецъ нашей прибалтійской области, онъ общее богословское образованіе получилъ въ Юрьевскомъ университетѣ и, когда уже считался выдающимся ученымъ, занимая кафедру въ Лейпцигскомъ университетѣ, сдѣлался ученикомъ извѣстнаго Ричли, знаменитаго нѣмецкаго богослова прошлаго вѣка, основателя

отипными и буквально воспроизводятся въ учебникахъ. Въ последнее время литература по этому вопросу существенно увеличилась. Болѣе внимательное изученіе древнихъ источниковъ касательно религіознаго развитія язычества, современнаго христіанству, открытіе надписей и памятниковъ, относящихся къ этой области, дали возможность наукѣ заглянуть въ интимную сторону язычника, въ глубь его религіознонравственныхъ стремленій и чаяній и нарисовать живую картину его религіознонравственнаго состоянія. Предъ взглядомъ историка религіознаго сознанія человѣчества открылись совершенно новыя явленія, неизвѣстныя ранѣе. Оказалось, что религіозное содержаніе язычества въ эпоху благовѣстія Евангелія далеко не было такъ пусто и безцвѣтно, какъ это представляли себѣ прежде. Начиная съ перваго вѣка нашей эры, во второмъ и особенно въ третьемъ столѣтіи религіозная мысль язычества пережила цѣлый кризисъ: потерявъ вѣру въ своихъ прежнихъ боговъ, перенеся цѣлый рядъ внѣшнихъ переворотовъ и внутреннихъ испытаній, люди стали глубже всматриваться въ свою собственную душу, внимательнѣе прислушиваться къ своимъ внутреннимъ потребностямъ и искать удовлетворенія имъ не въ своей обычной обстановкѣ, не дававшей уже ничего цѣннаго, а въ области религіи. Народились новыя идеи, стремленія и чаянія, о которыхъ ничего не знала классическая древность. Всѣ духовныя силы, какія еще оставались въ распоряженіи язычества, — философія и въ особенности восточныя религіи, — идутъ на службу этимъ новымъ, возникшимъ въ язычествѣ теченіямъ, и каждая по своему стремится дать имъ отвѣтъ. Философія источникъ познанія указываетъ не въ логическомъ мышленіи, а въ вѣрѣ въ Божественный авторитетъ, въ мистическомъ откровеніи. Религія учитъ своихъ поклонниковъ о высшемъ происхожденіи и назначеніи человѣческой души, о необходимости освобожденія отъ плоти и

ричліанской школы въ богословіи, включающей въ себя въ настоящее время рядъ выдающихся ученыхъ, а по смерти Ричля († 1889 г.), занялъ положеніе главы этой школы. Августъ Ричль самый выдающійся и даровитый догматистъ протестантскаго богословія за ближайшее къ намъ время. Нѣкогда принадлежавшій къ числу послѣдователей Баура, Ричль очень скоро, еще при жизни своего учителя, порвалъ всякія связи съ его школой и всталъ на самостоятельный путь въ разработкѣ догматическихъ вопросовъ, создавъ свою собственную школу. Его самобытность состоитъ въ томъ, что Ричль проводитъ рѣзкую грань между сферой религіозной и сферой научной или какъ онъ выражается, сферой метафизической. Религія не можетъ имѣть никакого отношенія къ метафизикѣ, она не есть знаніе, а образъ жизни, чрезъ который человѣкъ поставляется въ извѣстныя отношенія къ Богу. Богословіе, поэтому, не можетъ и не должно задаваться рѣшеніемъ вопросовъ о сущности объектовъ религіознаго знанія, о томъ, что такое представляютъ собой эти объекты внѣ отношенія къ міру и человѣку, потому что всѣ эти вопросы метафизическаго свойства.

матеріи, въ омовеніяхъ и разнаго рода мистеріяхъ предлагаетъ средства, освобождающія человѣка отъ грѣха, дающія ему высшую помощь въ борьбѣ съ искушеніями и дѣлающія его чистымъ и угоднымъ Богу. Возникаетъ цѣлый комплексъ понятій объ искупленіи, искупителѣ, воскресеніи, вѣчной жизни и т. д., близко соприкасающійся съ идеями христіанскими, но не отрѣшающійся отъ языческой почвы, который высшее свое осуществленіе долженъ былъ найти въ христіанствѣ. При взглядѣ на эти явленія, историкъ еще разъ можетъ повторить слова Апостола, что христіанская проповѣдь раздалась въ мірѣ въ тотъ моментъ, когда настала „полнота временъ“.

Безъ сомнѣнія, эти изслѣдованія о религіозномъ состояніи язычества во 2 и 3 вѣкахъ, раскрывающія предъ нами значительную степень подготовленности его къ воспринятію христіанства, въ существенной мѣрѣ объясняютъ намъ быстрый успѣхъ христіанской проповѣди среди языческаго міра. Но они еще не рѣшаютъ всего вопроса: этимъ-ли только побочнымъ и внѣшнимъ по отношенію къ себѣ условіямъ христіанская религія обязана быстротою своего распространенія, или въ самомъ христіанствѣ, въ существѣ его религіознаго ученія и въ нравственныхъ требованіяхъ лежали миссіонирующіе элементы, сами по себѣ способствовавшіе его проповѣди и распространенію?

Этотъ вопросъ впервые поставленъ А. Гарнакомъ въ выше названномъ сочиненіи и рѣшенъ блестящимъ образомъ. Такъ называемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ распространенія христіанства, о которыхъ мы сейчасъ говорили, Гарнакъ отводитъ небольшое мѣсто, „введеніе“ къ сочиненію, кратко отмѣчая лишь главные пункты, какъ общеизвѣстные, сумѣвъ, однако, и здѣсь сказать много оригинальнаго. Его главный интересъ привлекаетъ къ себѣ религіозно-нравственная сущность христіанства и осуществленіе ея въ жизни древнихъ христіанъ; въ религіозномъ ученіи христіанства, въ нравственной строгости его требованій, въ идеальномъ строѣ жизни первыхъ христіанъ, въ несравнимой оригинальности и своеобразности христіанской религіи въ ея цѣломъ онъ указываетъ привлекательную и миссіонерствующую силу ея, обезпечившую ей полный успѣхъ. Это — точка зрѣнія новая и тѣмъ болѣе замѣчательная, что все дѣло миссіи онъ приписываетъ не случайнымъ и внѣшнимъ причинамъ, какими довольствовались прежде, а самому христіанству, его отличительнымъ особенностямъ и религіозно-нравственной энергіи его послѣдователей.

Какъ ни много изучали древнѣйшее христіанство, Гарнаку все же удалось открыть въ немъ новыя стороны, пока совсѣмъ еще не обращавшія на себя вниманія науки, старое и извѣстное дополнить и представить въ новомъ свѣтѣ и въ общемъ дать оригинальное, чрезвычайно интересное изслѣдованіе по исторіи древняго христіанства. Надо читать самую книгу, чтобы убѣдиться въ указанныхъ сейчасъ качествахъ. Они встрѣчаются въ каждой главѣ, въ каждомъ отдѣлѣ. Мы ограничимся лишь немногими, болѣе характерными извлеченіями.

Кажется, нѣтъ ничего избитѣе и общераспространеннѣе той мысли, что древніе христіане отличались широкой взаимной благотворительностью, простиравшейся даже на ихъ враговъ—язычниковъ. Объ этомъ трактуется въ каждомъ учебникѣ. Однако А. Гарнакъ не только сумѣлъ здѣсь указать цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, но все дѣло христіанскаго благотворенія раскрылъ съ новой высшей точки зрѣнія. Отдѣлъ его изслѣдованія, озаглавленный: „Евангеліе любви и благотворенія“, принадлежитъ къ числу наиболѣе увлекательныхъ частей его книги. Общій характеръ его можно уже видѣть изъ слѣдующихъ, предпосланныхъ, ему разсужденій: „Алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть: жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; въ темницѣ былъ, и вы посѣтили Меня. Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ Моихъ меньшихъ братьевъ, то сдѣлали Мнѣ (Мѡ. XXV, 35, 36, 40)“. Эти слова Христа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній такъ ярко блистали въ Его общинѣ и такъ мощно дѣйствовали, что христіанскую миссіонерскую проповѣдь можно обозначить, какъ проповѣдь любви и благотворенія. Среди сохранившихся словъ и притчей Христа тѣ, которыя призываютъ къ любви и благотворенію, особенно многочисленны, а также сюда принадлежатъ и нѣкоторые случаи изъ Его жизни. Но были ли эти слова многочисленными и рѣдкими, несомнѣнно одно, что призывъ къ братству и служащей любви былъ зерномъ Его проповѣди всякій разъ, какъ только Онъ касался отношеній человека къ человеку, и что Онъ Самъ на Себѣ Самомъ и въ Своихъ дѣлахъ осуществилъ это братство и служащую любовь,—это наиболѣе очевидное въ томъ впечатлѣніи, какое Онъ оставилъ. „Одинъ у васъ учитель; вы всѣ братья“. „Кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, да будетъ всѣмъ слугою, потому что Сынъ человѣческой пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать Свою жизнь въ избавленіе многихъ“. Такъ должно понимать заповѣдь о любви къ ближнимъ.

Насколько она безгранична, показываетъ изреченіе: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ Своему солнцу восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Мѳ. V, 44, 45).“ „Будьте милосердны“—вотъ основной тонъ благовѣстія Христова, и такъ какъ это милосердіе должно простираться отъ величайшаго до малѣйшаго, отъ внутренняго до внѣшняго, то подлѣ царящаго надъ всѣмъ изреченія: „прости намъ долги наша, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ (Мѳ. VI, 12)“ стоитъ другое, гдѣ не забыта даже чаша холодной воды (Мѳ. X, 42). Братство есть любовь на почвѣ равенства: служащая любовь есть „прощать и давать“: никакихъ границъ для нея не можетъ быть указано. Но служащая любовь есть также и осуществленіе любви къ Богу. Въ то время, какъ Самъ Христосъ осуществилъ эту любовь и сдѣлалъ ее силою и жизнію, Его ученики учили самому величайшему и святѣйшему, чему можно научиться въ религіи, именно: вѣрѣ въ любовь Божію. Только теперь впервые провозглашена была предъ человечествомъ вѣсть, которую ничто болѣе превзойти не могло: Богъ есть любовь. Первое великое и цѣлостное объединеніе новой религіи,—то, какое даетъ намъ четвертое евангеліе, всецѣло и исключительно основанное на любви: „будемъ любить, Его, потому что Онъ сначала полюбилъ насъ“. „Такъ Богъ возлюбилъ міръ“; „новую заповѣдь даю вамъ: любите другъ друга“,—а самое великое, мощное и глубокое, что написалъ ап. Павелъ,—это гимнъ любви, начинающійся словами: „если я говорю языками ангельскими и человѣческими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій (1 Кор. XIII, 1).“ Новый языкъ, лежавшій на устахъ христіанъ, былъ языкомъ любви... Но это не былъ только языкъ: онъ былъ силой и дѣломъ; они дѣйствительно разсматривали себя, какъ братья и сестры и поступали сообразно съ этимъ. Мы имѣемъ два многозначащихъ свидѣтельства объ этомъ изъ устъ язычниковъ. Лукіанъ говоритъ о христіанахъ: „ихъ первый законодатель убѣдилъ ихъ, что они всѣ другъ другу братья; они выказываютъ невѣроятную дѣятельность, когда случится что нибудь затрогивающее ихъ общественные интересы; ничто имъ тогда не дорого.“ „Смотрите, какъ они любятъ другъ друга и какъ готовы каждый изъ нихъ умереть за другого,“—говорили язычники по словамъ Тертуліана. Значитъ, дѣйствительно ис-

полнялись слова. потому узнаютъ, что вы Мои ученики, что вы любовь имѣете другъ къ другу“.— Такимъ образомъ, евангеліе сдѣлалось социальнымъ благовѣстіемъ. Проповѣдь, захватывавшая внутреннее существо человѣка, отрѣшавшая его отъ міра и соединявшая его со своимъ Богомъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдью солидарности и братства. Справедливо сказано, что Евангеліе въ глубинѣ своего содержанія столь же индивидуалистично, сколько и общественно. Его объединяющая тенденція не случайное явленіе въ его исторіи, а существенный элементъ его самородности. Оно одухотворяетъ непреодолимое влеченіе, какое имѣетъ человѣкъ къ человѣку и возводитъ общественныя связи отъ простаго собранія въ область нравственно-необходимаго. Оно возвышаетъ достоинство человѣка и побуждаетъ преобразовать это существующее общество, убѣжденіе въ кажущейся противоположности интересовъ замѣнить сознаниемъ духовнаго единства и общей цѣли. Это ясно предносилось уму великаго апостола язычниковъ; въ своихъ маленькихъ общинахъ, въ которыхъ каждый носилъ тяготу другого, онъ созерцалъ въ духѣ новое человѣчество и въ посланіи къ Ефесянамъ далъ ему радостно торжествующее выраженіе. Въ несущественную видимость разрѣшались въ этихъ общинахъ противоположности между іудеемъ и язычникомъ, варваромъ и грекомъ, знатнымъ и низкимъ, богатымъ и бѣднымъ. Новое человѣчество уже существовало. Апостоль созерцаетъ его, какъ тѣло Христово, въ которомъ каждый членъ служитъ другому и каждый необходимъ на своемъ мѣстѣ. Въ часы высокаго одушевленія онъ провидѣлъ въ этихъ общинахъ, несмотря на ихъ скудость и слабость, развитіе, имѣющее обнять тысячелѣтія“.

Въ пятой главѣ А. Гарнакъ разсматриваетъ христіанство, какъ „религію авторитета и разума, таинствъ и трансцендентальнаго познанія“. Здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь объ отношеніи христіанства къ наукѣ и познанію (религія разума). Въ такихъ словахъ А. Гарнакъ характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное христіанствомъ на первыхъ вѣрующихъ: „Мы изъ тьмы возвратились къ свѣту!—Это былъ радостный крикъ христіанства въ тѣ первые вѣка. Какъ тяжкая ночь, казался имъ политеизмъ; теперь же она прошла: ясное солнце стояло на небѣ! Куда бы они ни оглядывались, они все воспринимали въ духовномъ монотеизмѣ, въ живой божественной ясности и очевидности. Читайте первое посланіе Климента, или введеніе къ Климентовой проповѣди, письмо ап. Варнавы, послушайте апологетовъ, Климента Александрійскаго и Оригена,—и вы убѣ-

дигесь въ этомъ. Простирали-ли они свой взоръ на природу, они услаждались наблюдаемому въ ней законосообразному единству движенія: небо и земля были для нихъ свидѣтелями единства и всемогущества Божія. Вматривались-ли они въ природу и свойства человѣка, они созерцали въ немъ черты Творца. Въ разумъ и свободѣ человѣка они восхваляли неисчислимыя блага Его. Они сравнивали Божественное Откровеніе съ этимъ разумомъ и свободой, — и вотъ все стоитъ въ гармоничномъ согласіи! Ничто не возложено на человѣка, чего бы ранѣе не было въ немъ самомъ, ни открыто ничего такого, чего уже ранѣе не заключалось бы въ его внутреннемъ существѣ. Они взирали на Христа, и какъ бы чешуя спадала съ глазъ ихъ: въ Немъ дѣйствовалъ Логосъ, тотъ Логосъ, которымъ созданъ міръ, съ которымъ таинственными узами неразрывно связана духовная часть человѣка, который проявлялъ себя въ исторіи во всемъ добромъ и благородномъ и наконецъ открылся въ своей полной силѣ, чтобы уничтожить всѣ препятствія и затрудненія, въ какія поставленъ былъ человѣкъ, созданный столь сильнымъ и въ то же время слабымъ существомъ. Вдумывались они въ ходъ исторіи, — въ начало, средину и конецъ ея, — и вотъ все соединяется въ одинъ непрерывный подъемъ, въ одно величественное заключеніе. Созданная свобода подпала возмущенію, но постепенно она была побѣждена силою Логоса — Христа; въ началѣ исторіи стояло дѣтское человѣчество, полное благихъ, божественныхъ задатковъ, но еще не испытанное, доступное искушенію; на концѣ исторіи стоитъ совершенствующееся человѣчество, достойное получить безсмертіе. Разумъ, свобода и безсмертное существо смѣнили собой заблужденіе, нужду и гибель. Таково было христіанство многихъ, — свѣтлый, радостный фактъ, ученіе чистаго разума. Не бременемъ для разума было оно, а освобожденіемъ. Не чуждое что-либо оно предлагало разуму, но выясняло его же собственное, только затемненное, содержаніе. Христіанство есть Божественное Откровеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чистый разумъ, истинная философія“.

Съ совершенно оригинальными, неизвѣстными доселѣ явленіями изъ области религіознаго сознанія древнихъ христіанъ знакомитъ насъ отдѣлъ изслѣдованія Гарнака, озаглавленный: „благовѣстіе о новомъ народѣ и третьемъ родѣ (историческое и политическое сознаніе древнихъ христіанъ“). Можно только удивляться, какъ такой важный для самосознанія христіанъ фактъ и притомъ засвидѣтельствованный многочисленными показаніями древнихъ писателей не только христіанскихъ, но и

языческихъ, до сихъ поръ почти не обратилъ на себя вниманія церковныхъ историковъ. Въ виду интересности отдѣла мы изложимъ вкратцѣ главныя его мысли. Уже съ самаго начала Евангеліе возвѣщалось, какъ совершенное іудейство, какъ новая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ старая и приведенная къ своему первоначальному виду перворелигія. Будучи убѣждены, что Іисусъ Христосъ есть обѣщанный Мессія, долженствующій возвратиться, чтобы завершить Свое дѣло, первые вѣрующіе скоро пришли къ сознанию, что быть ученикомъ Его значитъ быть Его народомъ. Уже въ 1 Петр. II, 9 значитъ: „вы родъ избранный, царство священное, народъ святой, люди (λαός) взятые въ удѣлъ“. Сознавши себя народомъ, христіане, естественно, должны были противопоставить себя въ качествѣ особаго народа не только іудеямъ, но и язычникамъ, и такимъ образомъ обозначить себя, какъ „третій народъ“. Наименованіе христіанъ „третьимъ народомъ“ часто встрѣчается какъ въ христіанскихъ, такъ и языческихъ источникахъ. Основаніемъ для этого дѣленія всего чело- вѣчества на три части прежде всего служитъ характеръ бого- служенія. Уже Самъ Христосъ говорилъ: „когда не на этой горѣ (горѣ самарянъ, являющихся здѣсь представителями язычества), но въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, потому что спасеніе отъ іудеевъ, но настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ (4, 21)“. Здѣсь въ первый разъ указываются три точки зрѣнія, на какія дѣйствительно могутъ быть раздѣлены народы въ отношеніи къ богопочитанію: „незнаніе“ Божества и ложное внѣшнее богопочитаніе (язычество, самаряне), правильное богопознаніе, но ложное внѣшнее богопочитаніе (іудейство), правильное богопознаніе и правильное внутреннее богопочитаніе (христіанство). „Мы народъ третій, потому что чтимъ Бога (не какъ эллины и іудеи) служеніемъ новымъ“, — часто встрѣчается въ памятникахъ древней христіанской письменности. Но признавая себя новымъ народомъ, христіане вмѣстѣ съ тѣмъ признавали себя „истиннымъ Израилемъ“ и народомъ „древнимъ“, обладающимъ первоначальнымъ, теперь вновь воз- становленнымъ, истиннымъ богопочитаніемъ.

Дѣлая общую оцѣнку этого явленія, А. Гарнакъ пишетъ: „это убѣжденіе быть народомъ тотчасъ же дало исповѣдникамъ новой религіи политически-историческое сознаніе, и притомъ всеобъемлющее, совершеннѣйшее и полное глубокаго смысла, какое только можно представить себѣ. Можно ли вообразить себѣ что-либо болѣе высокое и богатое содержаніемъ, чѣмъ этотъ

комплексъ моментовъ, заключающхся въ самооцѣнкѣ „истинный Израиль“, „новый народъ“, „первоначальный народъ“, „народъ будущаго, т. е. вѣчности“? Эта самооцѣнка обезпечивала имъ прочное положеніе противъ всѣхъ упрековъ и изворотовъ полемики и помогала имъ преуспѣвать на всѣхъ линіяхъ побѣдоносной борьбы. Упрекали-ли ихъ: „вы отпавшіе іудеи“, — они отвѣчали: „мы общество Мессіи, истинные израильтяне“, называли-ли ихъ: „вы ничто иное, какъ іудеи“, возраженіе было готово. „мы новое твореніе, новый народъ.“ Обвиняли-ли ихъ въ новшествахъ, въ томъ, что они существуютъ со вчерашняго дня, оправданіе было легко: „мы только повидимому новый народъ; скрытно мы существовали изъ начала и предшествовали всѣмъ народамъ; мы первонародъ Божій“. Говорили имъ: „вы недостойны оставаться въ живыхъ“ — отвѣтъ звучалъ: мы готовы умереть, чтобы жить: мы граждане будущаго міра и увѣрены въ воскресеніи“.

Сознаніе быть народомъ и притомъ первобытнымъ и вмѣстѣ новымъ не оставалось только абстрактнымъ и безплоднымъ. Христіане примѣнили его къ практикѣ и доказывали о себѣ, что „нашъ народъ древнѣе, чѣмъ міръ, что міръ созданъ ради насъ, что ради насъ онъ продолжаетъ свое существованіе, — мы задерживаемъ судъ надъ міромъ“ и т. д. Но среди тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, въ какихъ находились тогда христіане, претерпѣвая почти постоянныя гоненія со стороны государства, любопытно, что, несмотря на эти гоненія, они утверждали, что благосостояніе самого государства, его благо и сила обусловливаются покровительствомъ христіанству, что только христіане удерживаютъ его отъ окончательной гибели. Особенно подробно раскрылъ эту мысль Мелитонъ въ своей апологіи къ императору Марку Аврелію. Съ недоумѣніемъ останавливается историкъ предъ этимъ заявленіемъ апологета: какъ онъ могъ тогда еще ничтожному по числу народу христіанъ усвоить, ради только религіи, т. е. трансцендентальнаго блага, силу охранять государство! Впрочемъ, поводовъ къ подобнымъ восклицаніямъ христіанство даетъ А. Гарнаку еще нѣсколько.

Приведемъ еще одно мѣсто, наиболее ярко обрисовывающее отношеніе А. Гарнака къ христіанской религіи. Заканчивая часть своего изслѣдованія, посвященнаго изученію религіозно-нравственныхъ основъ христіанства и значенія ихъ для миссіи, Гарнакъ такъ резюмируетъ свои окончательные выводы: „Съ какимъ богатствомъ, съ какою полнотою отношеній выступила христіанская религія уже въ самомъ раннѣйшемъ своемъ началѣ!

И каждый пунктъ ея, казалось, хотѣлъ быть главнымъ, составлять собой цѣлое. Она есть проповѣдь о Богѣ Отцѣ Вседержителѣ, о Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ и о воскресеніи. Она—евангеліе объ исцѣлителѣ и исцѣленіи. Она—благовѣстіе о любви и благодѣяніи. Она есть религія духа и силы, нравственной строгости и святости. Она есть религія авторитета и безусловной вѣры и въ то же время религія разума и яснаго познанія и, наконецъ, религія таинствъ. Она есть благовѣстіе о появленіи совершенно новаго народа, скрытаго, существовавшаго отъ начала вещей. Она—религія святой книги. Она въ полнотѣ содержала въ себѣ все, что только можно разумѣть подъ именемъ религіи. Здѣсь она проявляетъ себя какъ синкретизмъ, но, очевидно, какъ синкретизмъ особаго рода: это есть синкретизмъ универсальной религіи. Она овладѣла всѣми силами и всѣми отношеніями и поставила ихъ на службу себѣ. Какъ бѣдны, какъ немощны, какъ ограниченны кажутся всѣ другія религіи на ряду съ нею!.. Грѣхъ и грязь она всегда отталкивала отъ себя и создала свое собственное зданіе изъ всего, что еще было способно къ жизни; внѣ ея оно разрушалось, въ ней сохранялось. Но какъ ни многое включала въ себя эта религія, все же все ея содержаніе всегда можно свести къ одному простому выраженію, къ одному имени, имени Іисуса Христа“.

Приведенныя извлеченія, число которыхъ можно увеличить, достаточно ясно знакомятъ съ основнымъ характеромъ и направленіемъ разсматриваемаго труда А. Гарнака. Поставивъ своей задачей объяснить быстрый успѣхъ христіанской проповѣди изъ внутреннихъ особенностей самой христіанской религіи, онъ блестяще осуществилъ эту задачу въ рядѣ отдѣльныхъ заключительныхъ очерковъ, посвященныхъ обзорѣннѣю различныхъ сторонъ христіанскаго ученія и жизни его первыхъ исповѣдниковъ. И для этого не требовалось никакихъ искусственныхъ натяжекъ. Высота и несравнимость религіозно-нравственнаго ученія христіанства, идеальныя черты жизни его первыхъ послѣдователей, сознаніе ими своего мірового назначенія, готовность пожертвовать жизнью за свои убѣжденія—все это, многократно засвидѣтельствованное древними литературными памятниками, давало собою обширный матеріаль, которымъ А. Гарнакъ искусно воспользовался для того, чтобы нарисовать живѣе, одухотвореннѣе, картины первоначальнаго прошлаго христіанства. Не говоря о научной цѣнности, которая несомнѣнна, новое изслѣдованіе Берлинскаго церковнаго историка, въ такой яркости выставляющее оригинальность и величіе христіанской религіи въ ея принципахъ и

историческомъ выраженіи, является лучшей апологіей христіанства, тѣмъ болѣе убѣдительною, что она опирается не на какихъ-либо теоретическихъ соображеніяхъ, но на массу историческихъ фактовъ, спорить противъ которыхъ невозможно. *).

Къ Свѣту! *) Дайте имъ въ ясти (Марк. VI. 37).

Идя недавно по улицѣ одной изъ большихъ деревень, я встрѣтилъ знакомую дѣвочку Сою Н. Умное личико 9-лѣтняго ребенка дышало довольствомъ, черные глазенки искрились весельемъ; было сразу видно, что дѣвочка очень довольна собою и всѣмъ окружающимъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, она, прикартавливая, повѣдала мнѣ свое счастіе. Въ училищѣ, куда она только что поступила, ей показывали картинки изъ Священной исторіи. Эти хорошія картины произвели такое впечатлѣніе на ребенка, что она съ большимъ трудомъ выпросила у зажиточнаго отца нѣсколько копеекъ и побѣжала въ лавку купить себѣ точно такія же картинки. Но такихъ въ мѣстной лавкѣ не оказалось.— „Купила самую ха-а-рошую“, закончила дѣвочка свой рассказъ, бережно подавая мнѣ сложенную трубочкой бумагу. Развернувъ ее, я увидѣлъ обычное лубочное изданіе пресловутаго Никольскаго рынка. Толстый купецъ, намалеванный красками, обнимаетъ молоденькую дѣвушку. Подъ картиною написаны слова пошлой, до грубости циничной пѣсни.

Бѣдная дѣвочка! Школа на первыхъ порахъ заронила въ твое юное сердце доброе сѣмя, а суровая мачеха жизнь тутъ же топчетъ его своими безжалостными ногами. Бѣдная дѣвочка!.. Бѣдная деревня!

Въ другой разъ, пріѣхавъ къ одному изъ небогатыхъ крестьянъ, я увидѣлъ сына его П., даровитаго парня лѣтъ 15, сидящимъ за книгою. Мальчикъ читалъ довольно бойко и правильно. Болью, однако, сжалось мое се дце при видѣ заглавія книги. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ литературныхъ отбросовъ— „Англійскій милордъ“. Между тѣмъ, отецъ, хлопая по плечу скромнаго мальчика съ понятною гордостью заявилъ мнѣ: „это ништо по книжкѣ чатае, онъ у меня наизустъ полъ книги продере“, и заставилъ мальчика читать. И послѣдній, начиная съ заглавія, бойко и громко началъ слово въ слово передавать безцвѣтный рассказъ безцвѣтнаго автора, только

*) Вѣра и Разумъ 1905 г. № 11.

*) Паст. Собесѣд.

умные глаза печально молчали. По мѣрѣ его чтенія, все темнѣе и темнѣе становилось у меня на душѣ.

Бѣдный подростокъ! Вотъ куда уходитъ твоя цѣльная, непочатая умственная сила!— „Ты-бы, милый, у меня взялъ книжечку“, обратился я къ П: „приходи въ воскресенье, я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ, только читай“. — „Стѣснялся итти къ вамъ, батюшка, вѣдь, вы у насъ внови; не привыкли еще къ вамъ“, вотъ поѣдемъ съ тяткой на ярмарку — я денегъ съ полтину набралъ. Хорошо имѣть свои книжки!“ закончилъ онъ весело.

Не дастъ П. и ожидаемая имъ ярмарка хорошей книжки. Некому выбрать, да и не изъ чего выбрать. „Англійскіе милорды“, „битвы русскихъ съ кабардинцами“, „замѣчательные сонники“, несравненныя „похожденья разбойника Чуркина“ и т. п. литературныя прелести бьютъ въ глаза яркими красками своихъ расписныхъ обложекъ. Войдите въ книжный отдѣлъ на любой ярмаркѣ. Цѣлыя серіи книгъ и картинъ манятъ любознательность покупателя. Но почти не встрѣтите вамъ здѣсь Евангелія, не найти и полезнаго изданія для простого народа.

Мало свѣту въ обыкновенной крестьянской хатѣ; темно здѣсь и душно. Но еще меньше свѣту нравственнаго.

— Евангеліе! Какъ воздухъ и свѣтъ, необходима эта вѣчная книга жизни для каждаго христіанина. А между тѣмъ, въ рѣдкомъ домѣ многомилліоннаго русскаго простолюдина можно встрѣтить Новый Завѣтъ, не говоря уже о Библии. А вѣдь крѣпко любить русскій человекъ свою святую православную Вѣру, любить онъ ея незыблемые завѣты, любить героевъ духа — угодниковъ Божіихъ. Войдите въ любую избу и посмотрите на „красный уголь“. Вокругъ иконъ развѣшены, большею частію, плохо исполненныя хромо-литографіи Богоматери, святыхъ угодниковъ и почти непремѣнно страшнаго Суда.

Взгляните на полочку съ книгами, гдѣ онъ есть. Между „сонниками“ и богатырями — „Полканами“ или небывалыми похожденьями Петра I-го, вы непремѣнно найдете убогое лубочное изданіе житія какого-либо святого — Георгія Побѣдоносца, мученика Трифона и т. д. Но бѣдны содержаньемъ и эти изданія Никольскаго рынка. Ихъ не приняла подъ свое мощное крыло живая русская литература...

„Дайте имъ вы ясти“ (Марк. VI, 37), такъ громко призываетъ Евангеліе. И духовенство, дѣйствуя совмѣстно съ церковно-приходскими попечительствами, могло бы дать народу здоровую духовную пищу,

Къ вопросу о народномъ образованіи *). Въ ряду жгучихъ и больныхъ вопросовъ, волнующихъ нынѣ русское общество, разрабатывается проектъ о всеобщемъ и обязательномъ обученіи народа. Вполнѣ возможно, что въ недалекомъ будущемъ онъ осуществится. Но у насъ есть враги религіознаго образованія — они желаютъ и требуютъ сдѣлать школу безбожной. Въ своемъ страстномъ желаніи сдѣлать школу безбожной эти люди обыкновенно ссылаются на Западъ. Но идолопоклонническое пресмыкательство предъ Западомъ въ данномъ случаѣ оказывается тенденціознымъ. Во всемъ христіанскомъ мірѣ, кромѣ Франціи, школа носитъ христіанскій характеръ. Англія и Германія заботливо усиливаютъ религіозный элементъ въ школахъ, и даже въ Америкѣ, гдѣ въ высшей степени трудно соблюсти принципъ равновѣсія между многочисленными вѣроисповѣданіями, и тамъ школа остается христіанской. Вотъ что говоритъ завѣдующій народнымъ образованіемъ въ Америкѣ въ отчетѣ за 1890 г.: „школа есть вспомогательное учрежденіе, созданное ради упроченія 4-хъ устоевъ цивилизаціи — семьи, общества, государства и церкви“. Высшая цѣль воспитанія, — говоритъ онъ же, не выгоды, доставляемыя силой для эгоистическаго пользованія человѣка, но доставленіе возможности послѣднему выполнить неизмѣнныя обязанности, возложенныя на него его мѣстомъ во вселенной, его отношеніемъ къ Богу и къ ближнимъ. Тотъ, кто добываетъ знаніе только ради знанія, не многимъ лучше того, кто добываетъ деньги только ради денегъ. Безбожная школа — явленіе въ Америкѣ невозможное... Нѣтъ, кажется, ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы религіозные вопросы такъ сильно волновали общество и гдѣ бы рвеніе въ дѣлахъ вѣры достигало такого напряженія, какъ въ Америкѣ.

Нашъ простой народъ, искони православный, но все еще сравнительно темный въ духовной жизни, бѣднѣетъ въ матеріальномъ отношеніи; но что особенно грустно, въ массу нашего простого народа постепенно проникаютъ дурныя начала нравственной жизни, — проникаетъ то, что называется распущенностію, развратомъ, съ бросающимися въ глаза пороками, — какъ то: непочтеніе къ родителямъ и старшимъ, роскошь, карточные и др. денежныя игры, ночной разгулъ съ кровавыми расправами еще вчерашнихъ товарищей и друзей, беспечность о семьѣ, крайнее сквернословіе и проч. Страхъ Божій и благочестіе, даже и виѣшнее, несомнѣнно упадаютъ въ простомъ народѣ. Какая-то

*) По журн. Дѣятель № 16 за 1905 г.

невидимая, но злая сила, что то стихійное, точно сильная морская волна, надвигаетъ на народную массу, тянетъ ее въ бездну, обѣщая въ ней лучшее будущее, гдѣ народная масса и дѣлается, можно сказать, моральнымъ трупомъ. При такомъ воспитаніи народа отъ крестьянина-христіанина, которымъ всегда славилась св. Русь, останется только сухой остовъ. Откуда надвигается эта сила, показываютъ слѣдующіе примѣры. Есть дѣятели, которые открыто заявляютъ, что церковная школа учитъ только вѣрѣ, „а потому не слѣдуетъ давать ей пособіе изъ стороннихъ средствъ: намъ не нужны такія школы; нужно развивать народъ въ другомъ направленіи, чтобы облагородить его, поднять его имущественное благосостояніе“ и пр. А вотъ еще одинъ случай, характеризующій отношеніе нѣкоторыхъ лицъ къ церковности начальныхъ школъ, въ частности, къ закону Божію. Для выпускнаго экзамена соединены были двѣ школы—разныхъ вѣдомствъ. На экзаменѣ, кромѣ экзаменаторовъ, были, какъ и всегда, почетные гости, родители дѣтей, подростки, кончившіе школу, старые и малые: день экзамена въ начальной школѣ—это день праздничный, торжественный. По всѣмъ предметамъ экзамены производились довольно основательно, строго, кромѣ Закона Божія. Почему? „Вся эта церковность, Законъ Божій, по категорическому заявленію одного изъ членовъ экзаменаціонной комиссіи,— не важно, пустяки“. Каково же было удивленіе присутствующихъ тутъ отцовъ и матерей дѣтей, не говоря уже о священникахъ, которые ужъ, пожалуй, привыкли къ такимъ сюрпризамъ. Хорошо то, что нашъ народъ простой, православный, любящій деревню, не выбитый изъ своей родной колеи, самъ упорно противится этому направленію въ его просвѣщеніи, чувствуя свою окончательную гибель въ увлеченіи модными затѣями непризванныхъ просвѣтителей.

Многіе склонны думать, что подчинить народную школу церкви и научно воспитательной дѣятельности придать религіозно-нравственный характеръ, значитъ обречь школу нашу на застою, лишить ее всякой будущности и закрыть для нея путь прогресса. Такой взглядъ не вѣренъ въ самой основѣ своей, какъ взглядъ нехристіанскій. Подчинить школу церкви, глава которой Христосъ, вручить ее покрову самого главы церкви Христа, значитъ вложить въ нее новый духъ, дать ей новую струю жизни, т. е. оживотворить ее, поставить ее на путь прогресса, открыть передъ ней дорогу къ истинѣ. „Азъ есмь путь, истина и животъ“, говоритъ Христосъ. Великій нашъ педагогъ К. Д. Ушинскій замѣчаетъ.— „Есть одинъ идеаль совершенства, передъ ко-

торымъ преклоняются всѣ народности: это идеаль, представляемый намъ христіанствомъ. Все, чѣмъ человекъ, какъ человекъ, можетъ и долженъ быть, выражено вполне въ Божественномъ ученіи, и воспитанію остается только, прежде всего и въ основу всего положить и утвердить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію, оно же должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины. Это неугасимый свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человека и народовъ; за нимъ должно стремиться развитіе всякой народности и всякое истинное воспитаніе, идущее вмѣстѣ съ народностью“... „Дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковью, и школа должна быть преддверіемъ церкви“ (Очерки изъ соч. К. Д. Ушинскаго). „Православіе есть единственная религія, которая, сохраняя нерушимо не только общія, основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, можетъ стать религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизаціи“. (Ушинскій). „Православію, говоритъ Т. И. Филипповъ, мы обязаны всѣмъ: оно спасало насъ въ древній періодъ нашей жизни отъ тысячи бѣдъ татарскихъ, литовскихъ, польскихъ и т. д.; оно охраняло насъ отъ западныхъ искушеній и доселѣ поддерживааетъ нашу народность отъ безчисленныхъ иноземныхъ вліяній; оно и наша защита и наше упованіе. Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первой похвалою“.

И такъ, какія-бы науки ни проходились въ начальной школѣ народной, нужно только, чтобы въ основу воспитанія въ ней положена была религія, какъ первое и главное основаніе для воспитанія и образованія народнаго.

Стоитъ ли обращать вниманіе на такія разсужденія? Нѣкто г. Глѣбскій бросаетъ духовенству укоръ, что оно пренебрежительно относится къ занятіямъ хлѣбопашествомъ. По словамъ Глѣбскаго, современный батюшка землею не занимается, земли не любитъ. Объ оторванности нынѣшняго духовенства въ нѣкоторой своей части отъ „силы земли“, отъ родной почвы, отъ народа говоритъ и преосвящ. Волынскій Антоній. Отголосокъ этой оторванности несомнѣнно слышится и въ тѣхъ заявленіяхъ духовенства, что будто бы занятія сельскимъ хозяйствомъ совершенно несовмѣстимы съ высокимъ званіемъ пастырскаго слу-

женія; что будто бы сердце священника должно быть исключительно тамъ, гдѣ пламенѣтъ душа, стремящаяся къ Богу, гдѣ терзается измученная неправдой жизни совѣсть человѣка и т. д.; что будто бы къ свящ. приходятъ люди не для разговоровъ про хлѣба, про покосъ, про старинушку—это не его область, не его дѣло.

Всѣ эти голыя разсужденія, ни на чемъ не основанныя, говоритъ журналъ Дѣятель, говорятъ только о томъ, что высказывающіе ихъ не знаютъ души народной, ни смысла русскаго подвижничества, ни русской исторіи, что они задались цѣлью во что бы то ни стало доказать право священника на аристократизмъ, право сидѣть на чужихъ хлѣбахъ, не считая себя „наемникомъ“; при чемъ ихъ ссылка на Св. Серафима совершенно не вѣрна, ибо, какъ извѣстно, Саровскій подвижникъ питался трудами рукъ своихъ—тою травою, которую онъ разводилъ самъ на имъ же выкопанныхъ грядкахъ.

Стоитъ немного подумать, чтобы понять, что слова: „гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“, нисколько не приложимы ни къ земледѣлію—этому благороднѣйшему изъ трудовъ, благословенному Богомъ, труду, который, по мнѣнію знающихъ людей, ставя человѣка въ зависимость отъ земли и ея законовъ, воспиталъ въ нашемъ народѣ чувство глубокаго сознанія своей зависимости отъ началъ высшаго порядка, т. е. отъ воли Божіей (мысль недавней кохановской комиссіи, работавшей въ Петербургѣ), ни къ другому какому виду сельскаго хозяйства.

Земледѣльческимъ трудомъ всю жизнь занимался Св. Іоаннъ Милостивый и въ немъ нашелъ средство угодить Богу и спасти свою душу...

Достаточно вспомнить Св. апостоловъ, изъ простыхъ Галилейскихъ рыбаковъ сдѣлавшихся ловцами людей, и великаго апостола языковъ—Павла, который смѣло заявлялъ, что ничѣмъ трудомъ онъ не пользовался, хотя, сѣя духовное, имѣлъ право поживать вещественное, но предпочиталъ трудиться, дѣлая своими руками (палатки), и намъ станетъ до очевидности ясно, что трудъ земледѣльческій, рыболовство садоводство, скотоводство (Свв. Моисей и Давидъ изъ пастушескаго званія были призваны къ высокому служенію: первый—вождя, второй—Царя еврейскаго народа) и всякій иной „черный трудъ“ ничего унижательнаго для пастыря самъ по себѣ не представляетъ и гнушаться имъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ недостойно христіанина, тѣмъ болѣе „отца духовнаго“.

Есть одна весьма правдивая книжка о сельскомъ духовенствѣ, подъ заглавіемъ: „Псалтырникъ“ свящ. Наумовича. Въ ней проводится та совершенно вѣрная мысль, что пастырь, заботящійся о духовномъ благѣ своихъ пасомыхъ, сдѣлаетъ большую ошибку, если не постарается въ то же время обезпечить ихъ кускомъ насущнаго хлѣба, удовлетворить первыя и необходимыя потребности ихъ тѣлесной природы, такъ какъ онъ насколько духовный, настолько и тѣлесный врачъ, именно въ силу той тѣсной связи, какая существуетъ между душою и тѣломъ, между физическимъ и духовнымъ благополучіемъ человѣка. Но слова, поученія здѣсь мало; важнѣе—дѣло, личный починъ и примѣръ: „иже кто научить и сотворить, сей велій наречетъ въ Царствіи Христовомъ“—слова, имѣющія глубокой смыслъ, вполне умѣстны въ данномъ случаѣ.

Напрасно защитники противоположнаго взгляда беспокоятся на счетъ того, что „видъ сытыхъ коней батюшки“ и вообще его матеріальный достатокъ вызоветъ чувство зависти и затаенной обиды въ сердцѣ иного изъ прихожанъ и, быть можетъ, даже исторгнетъ изъ его устъ эти жестокия слова: „жадный попъ“. Нѣтъ, не способомъ добыванія себѣ хлѣба обуславливается „жадность“ (или наемничество, что одно и то же) священника, а внутреннимъ отношеніемъ его къ своему долгу, земледѣліе же тутъ не причемъ... Чувство подобное вышеуказанному можетъ явиться въ томъ случаѣ, если батюшка не въ Бога богатѣетъ, расширяетъ старыя и строитъ новыя житницы, собираетъ въ нихъ добро на многіе годы и въ чувствѣ довольствія говоритъ своей душѣ: „душа, ѣшь, пей, веселись“; но священникъ, трудящійся не для своихъ выгодъ, а для блага народа, щедрою рукою помогающій нуждающимся отъ своихъ достатковъ, подвигнетъ на соревнованіе, заставитъ усиленно трудиться прихожанъ опять таки не для своихъ только выгодъ, но и для меньшей братіи—словомъ, трудясь въ потѣ лица самъ и другихъ побуждая къ тому же, онъ создастъ изъ прихожанъ то истинно—Христовое трудовое братство, какое существовало въ христіанской церкви первыхъ вѣковъ и какое составляетъ предметъ святыхъ желаній для многихъ и лучшихъ изъ современныхъ священниковъ. Намъ думается, что модная шляпка на головѣ матушки, довольный и, вмѣстѣ, сытый видъ городского батюшки достаточно обезпеченнаго 20-мъ числомъ, скорѣе вызоветъ въ сердцѣ иныхъ бѣдняковъ, коими кишмя—кишатъ наши города, зависть, недоброжелательство и т. п. нехорошія чувства по отношенію къ пастырю, нелестныя на его счетъ замѣчанія и

пожеланія, что дѣйствительно приходится иногда наблюдать въ городахъ, тогда какъ картинка, нарисованная о. законоучителемъ, въ сельскомъ быту едва ли когда нибудь встрѣчалась и могла встрѣтиться, настолько она неправдоподобна, выдуманна, искусственна.

О недостаткѣ времени у сельскаго пастыря для физическаго труда горевать много не приходится: были бы охота и умѣнье, а времени „будетъ и преизбудетъ“. Лѣто, по словамъ С. А. Рачинскаго, хорошо знакомаго съ жизнью сельскаго духовенства не по книжкамъ, а по опыту, представляетъ такъ много досуга, что сельскіе батюшки, не занятые полевыми работами, не зная, чѣмъ заполнить этотъ досугъ, предаются картежной игрѣ, а нѣкоторые—что еще ужаснѣе—даже пьянству.

Занятій въ школѣ лѣтомъ не бываетъ; требы весьма и весьма рѣдки и тѣ б. частью приравниваются къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Смертность взрослыхъ лѣтомъ не превышаетъ обыкновеннаго $\%$ смертей (за исключеніемъ эпидемійныхъ заболѣваній, которыя однако случаются не только лѣтомъ, но и зимой). Дѣти умираютъ въ страдную пору чаще обыкновеннаго, но нельзя сказать, что „то и дѣло“... Выводъ ясенъ...

Всякому извѣстно, что физическій трудъ не только не уменьшаетъ производительность умственнаго труда, но несомнѣнно въ 2—3 раза повышаетъ ее. Умъ, освѣженный полевою работой на чистомъ воздухѣ, въ 3 часа сдѣлаетъ гораздо больше и лучше, чѣмъ умъ, постоянно занятый кабинетнымъ трудомъ, въ 1—2 дня... Ссылки на примѣры Декарта, Льва Толстого и др. намъ не нужны, ибо наша мысль настолько очевидна, что нѣтъ нужды ее доказывать.

Въ заключеніе остается сказать, что общность интересовъ и занятій („мужикъ за соху и попъ за соху“—по словамъ Посошкова) несомнѣнно была благопріятной почвой, на которой создались тѣсныя взаимныя отношенія между сельскимъ духовенствомъ и народомъ, столь радовавшія сердце Московскаго святителя Филарета; выросла и окрѣпла та искренняя духовная связь, которая объединила пастыря и народъ въ одну семью, сдѣлала изъ пастыря—Отца—батюшку, а изъ прихожанъ—дѣтей его...

Исторія говоритъ, что наши сельскіе пастыри, живя одною жизнью съ народомъ, думая одну думу, разговаривая однимъ языкомъ, одною сохою и бороною воздѣлывая землю, пролагая „пути и путики“ съ юга на сѣверъ, отъ Днѣпра до Волги и за Уралъ,нося на себѣ тяготы народа, радуясь вмѣстѣ съ нимъ урожаю хлѣба и печалась по случаю засухи и голода, путемъ

совмѣстной жизни, путемъ „общности занятій и интересовъ“ достигли того, что народъ не сдѣлаетъ безъ нихъ ни одного серьезнаго шага, слово священника—законъ, примѣръ—святъ... Отрицать это могутъ только люди, которые совершенно не знаютъ жизни простого народа, не умѣютъ заглянуть въ глубь народной души, понять ея алканія и чаянія; понять, что пастырь—земледѣлецъ образецъ священника, какого желаетъ и любитъ нашъ мужикъ—пахарь *).

---

*) Дѣятель № 16 за 1905 г.

Содержаніе № 13.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Высочайшія награды.—О снятіи подсудности.—О сборѣ въ пользу благотв. общ. Бѣлаго креста.—Распор. Епарх. Начальства.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Пожертвованія на военныя нужды.—Отъ Нов. Отд. Палестин. Общества.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Рѣчь.—Изъ жизни и исторіи епархіи.—Кирилло-Бѣлозерскій узникъ.—Разговоръ со священникомъ.—Скромный труженикъ.—На похоронахъ.—На святой работѣ (стих.)—Печаль вдоваго отца о дѣтяхъ (стих.)—Надъ Библіей.—Пастырская проповѣдь.—**Сообщенія.**—Что сдѣлало христіанство.—Причины быстрого распрастраненія христіанства.—Къ свѣту.—Къ вопросу о народномъ образованіи.—Стоитъ ли обращать вниманіе на такія разсужденія?

---

27 Іюня 1905 г. Печатать разрѣшается.

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серій*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Владиміръ Финиковъ*.

НОВГОРОДЪ.

Губернская Типографія

1905.